

Шопоголик среди звезд

СОФИ
КИНСЕЛЛА

*Талантливый и смешной
Шопоголик снова с нами!*

Софи Кинселла
Шопоголик среди звезд
Серия «Шопоголик», книга 7

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282027
Шопоголик среди звезд: Издательство «Э»; М.; 2015
ISBN 978-5-699-82186-0

Аннотация

Софи Кинселла возвращается с новой книгой о талантливом и очень смешном Шопоголике!

Отчаянный шопоголик Бекки Брендон вместе с семьей прибывает в Лос-Анджелес. Она мечтает стать стилистом и одевать знаменитостей. Но город зеленых лужаек и загорелых красавцев не спешит сдаться без боя. Как же ей быть? Озарение приходит вместе с новой покупкой. Нужно подружиться с Сейдж Сеймур, клиенткой мужа и самой скандальной звездой Голливуда. Красная ковровая дорожка вот-вот замаячит на горизонте, но все осложняется, когда появляется давняя и непримиримая соперница Сейдж. Эта коварная интриганка может помешать карьере Бекки. Но шопоголики не сдаются без боя. Посмотрим, кто кого?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	43
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Софи Кинселла

Шопоголик среди звезд

© Десятова М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Посвящается Патрику Плонкингтону-Смайту, лучшему на свете банковскому управляющему

Дорогие читатели!

Надеюсь, новые приключения Бекки Брендон (урожденной Блумвуд) не оставили вас равнодушными. Однако на этом широкоформатная история не заканчивается – скоро мы узнаем, обретет ли Бекки свою голливудскую мечту. Как вы, думаю, догадались, продолжение следует, но не сомневайтесь, следующая книга уже на подходе.

Приятного чтения!

Софи Кинселла ☺

«КАННИНГЕМС»

Роузвуд-Центр, Запад 3-я ул., Лос-Анджелес, СА 90048

Дорогая миссис Брендон!

Благодарим за Ваше письмо. Мы рады, что недавний визит в наш магазин доставил Вам удовольствие.

К сожалению, не могу подсказать, действительно ли у прилавка «М.А.С.» во вторник была «Ума Турман в длинном темном парике». По этой же причине не могу «уточнить, какую помаду она покупала» и «всегда ли она такая милая в реальной жизни», а также передать ей привет от Вас, «потому что вдруг ей не с кем ходить по магазинам, и мы могли бы подружиться».

Желаю всего наилучшего в связи с предстоящим переездом в Лос-Анджелес. Однако на второй Ваш вопрос вынуждена сообщить, что мы не предоставляем ознакомительных скидок новоселам, «чтобы они почувствовали себя желанными гостями».

Благодарим за проявленный интерес.

Мэри Эглантин,

отдел по обслуживанию клиентов

СПА-САЛОН «ПУТЬ К СЕБЕ»

6540 Холлоуэй-Драйв, Западный Голливуд, СА 90069

Дорогая миссис Брендон!

Благодарим Вас за письмо – очень приятно, что посещение нашего салона пошло Вам на пользу.

К сожалению, не могу сообщить, действительно ли в первом ряду на занятии йогой была Гвинет Пэлтроу. Разделяю Вашу досаду, что «она все время торчала вверх тормашками». По вышеуказанной причине не могу «уточнить, как у нее получается идеальная стойка на голове» и «подкладывает ли она утяжелители в футболку», а также передать ей приглашение на органический чай с кексами из браунколя.

Мы рады, что Вам понравился наш магазин сувениров и оздоровительной продукции. На вторую Вашу просьбу спешу заверить, что при случайной встрече на улице ни словом не обмолвлюсь Вашему супругу о «закупке крохотной партии органического нижнего белья».

Благодарим за проявленный интерес.

Кайл Хейлинг,

куратор программы саморазвития (восточные практики)

«КРАСОТА ПО-ГОЛЛИВУДСКИ»

9500 Беверли-бульвар

Беверли-Хиллз, Лос-Анджелес, СА 90210

Дорогая миссис Брендон!

Благодарим за Ваше письмо.

К сожалению, не могу подтвердить, действительно ли у стенда «Ла Мер» была «Джулия Эндрюс в темных очках и головном шарфе».

По вышеуказанной причине не могу узнать у нее, «был ли капитан фон Трапп и в жизни таким же героем», извиниться от Вашего имени, «что накинута на нее с песенкой про одинокого пастушка, – это от восторга», и пригласить «попеть как-нибудь хором за яблочным штруделем».

На второй Ваш вопрос вынуждена сообщить, что у нас нет традиции «приветственных вечеринок для новоселов Лос-Анджелеса и подарочных наборов» даже в виде зубного отбеливателя, «помогающего быстрее обжиться». Тем не менее желаю успеха в связи с предстоящим переездом в Лос-Анджелес.

Благодарим за проявленный интерес.

Салли Е. Сансанта,

консультант по обслуживанию клиентов

Глава 1

Так, спокойствие. Только спокойствие.

Я выберусь. Обязательно выберусь. Не вечно же мне здесь корчиться без надежды на освобождение... Да?

Без паники, взглянем на ситуацию со стороны. Ребра сдавило так, что не вздохнуть, левая рука завернута за спину. Да уж, разработчики этой «фиксирующей ткани» свое дело знали. Правая рука тоже торчит под нелепым углом. Стоит шевельнуться, и «фиксатор» больно впивается в запястья. Я пропала. Я бессильна. В зеркале отражается пепельно-бледное лицо. В широко распахнутых глазах отчаянье, кисти стянуты черными блестящими петлями. Кажется, какая-то из них – бретелька. А вот эта сетчатая вставка где должна быть, на талии?

Боже. И зачем я только попросила сорок второй?

– Как у вас дела? – раздается из-за шторы голос Минди, продавца-консультанта, и я вздрагиваю от неожиданности. Минди высокая, поджарая, с сухими мускулистыми бедрами – между ляжками расстояние не меньше ладони. Небось, ежедневно взбегает на какую-нибудь гору, а про «Кит-Кат» и вовсе не слышала.

Она уже трижды интересовалась, как у меня дела, и каждый раз я взвизгивала: «Все хорошо, спасибо!» Но долго я так не продержусь. Я уже десять минут сражаюсь с этим утягивающим спортивным комбинезоном, скоро придется ее впустить.

– Удивительная ткань, правда? – нахваливает Минди. – Втрое туже обычного спандекса. Сразу целый размер теряешь.

Точно, а вместе с ним и половину объема легких.

– С бретелями разобрались? – беспокоится Минди. – Помочь вам отрегулировать?

Помочь? То есть впустить ее в примерочную? Демонстрировать свой целлюлит высокой, загорелой, спортивной калифорнийке?

– Нет-нет, все в порядке, спасибо! – верещу я сдавленным фальцетом.

– Может быть, помочь снять? Нашим покупателям бывает трудно с непривычки.

Перед глазами встает жуткая картина: я мертвой хваткой цепляюсь за прилавок, Минди, пыхтя и обливаясь потом, стаскивает с меня тугую комбинезон, думая про себя: «А я еще не верила, что все британки – коровы!»

Ни за что! Ни за какие миллионы. Выход только один. Придется купить комбинезон. Сколько бы он ни стоил.

Титаническим усилием я вскидываю обе бретели на плечи. Так, уже лучше. Теперь я похожа на курицу, перетянутую черной лайкрой вместо бечевки, но хотя бы руками можно пошевелить. Доберусь до гостиницы, срежу эту штуку с себя маникюрными ножницами и выкину в уличный контейнер, чтобы Люк не нашел и не приставал с дурацкими вопросами типа «А что это?» или «Ты знала, что размер не твой, и все равно купила?»

Между прочим, это по его милости я оказалась в примерочной лос-анджелесского спортивного магазина. Мы переезжаем в Лос-Анджелес из-за его работы, поэтому в данный момент все силы брошены на поиски жилья. Наша цель – недвижимость. Дома. Сады. Договоры аренды. Ни на что другое времени нет. На Родео-драйв я заскочила на секундочку между просмотрами.

Ладно, вру. Я поехала на Родео-драйв вместо просмотра. Но это вынужденная необходимость. Мне действительно срочно необходима спортивная экипировка – потому что завтра я участвую в забеге. В настоящем забеге! Я!

Подхватив одежду и сумку, я на негнущихся ногах выхожу из кабинки и натыкаюсь на Минди.

– Ого! – Ее восторженный тон плохо вяжется с шокированным взглядом. – Смотрите... – Она закашливается. – Превосходно. Нигде... не жмет?

– Нет, все замечательно, – натужно улыбаюсь я. – Беру!

– Хорошо, – потрясенно выговаривает Минди. – Но мне нужно просканировать...

– Я так и пойду, – бросаю я небрежно. – Зачем переодеваться десять раз? Сложите мои вещи в пакет?

– Конечно. Точно не хотите примерить сорок четвертый? – после долгой паузы все же уточняет Минди.

– Нет! Сорок второй в самый раз! Очень удобно!

– Прекрасно, – помолчав, кивает Минди. – С вас восемьдесят три доллара. – Она сканирует штрих-код на этикетке, болтающейся у меня на шее, и я тянусь за кредиткой. – Так вы спортсменка, значит?

– Завтра бегу Десятимильный марафон.

– Ничего себе! – Она округляет глаза, а я скромно опускаю ресницы. Десятимильный марафон – это вам не просто забег. Это всем забегам забег. Проводится в Лос-Анджелесе ежегодно, в нем участвуют десятки звезд первой величины, и его даже показывают по каналу «Е!» И я в нем участвую!

– Как вам удалось туда попасть? – с завистью спрашивает Минди. – Я каждый год заявку подаю, и все мимо.

– Ну... – Я выдерживаю паузу. – Я в команде Сейдж Сеймур.

– Ого! – У Минди отваливается челюсть, а я раздуваюсь от гордости.

Чистая правда – я, Бекки Брендон (урожденная Блумвуд), бегу марафон в команде ярчайшей кинозвезды! Перед забегом вместе будем разминаться! У нас будут одинаковые бейсболки! Про нас напишут в «Ю-Эс уикли»!

– Вы ведь британка? – возвращает меня в действительность Минди.

– Да, но переезжаю в Лос-Анджелес. Мы с моим мужем Люком как раз подыскиваем дом. У него собственное пиар-агентство, и Сейдж Сеймур – его клиентка, – хвастаюсь я.

Глаза Минди с каждым уточнением округляются все больше.

– Значит, вы с Сейдж Сеймур подруги?

Я тереблю сумочку, не торопясь с ответом. По правде сказать, несмотря на все мои мечты, подругами нас с Сейдж Сеймур не назовешь. А если совсем начистоту, мы с ней и не встречались пока. И это просто безобразие! Люк с ней уже сто лет работает, я прилетала в Лос-Анджелес на собеседование, теперь я снова здесь, подыскиваю жилье для нас и детский сад для Минни... И где, спрашивается, Сейдж?

Когда Люк заполучил Сейдж в клиентки и наметил переезд в Голливуд, я думала, мы будем с ней видеться каждый день. Валяться в сочетающихся между собой солнечных очках на шезлонге у ее розового бассейна и вместе ходить на маникюры-педикюры. А на самом деле даже Люк ее лично почти не видит, у него круглые сутки заседания с ее менеджерами-агентами-продюсерами. Говорит, что вникает в тонкости кинобизнеса (которых там море). Это все понятно, ведь раньше он консультировал только финансовые компании и огромные конгломераты. Но зачем так открыто демонстрировать безразличие? Когда на днях я слегка приуныла, он сказал: «Господи, Бекки, мы же не для того перебираемся за океан, чтобы знакомиться со звездами». Да еще таким тоном, будто не «со звездами», а «с дождевыми червями».

У нас с Люком почти полное взаимопонимание, именно поэтому мы живем душа в душу. Есть лишь парочка малюсеньких разногласий.

1. Каталоги. (Это не «мусор». Они нужны. Мало ли когда срочно понадобится персонализированная грифельная доска на кухню с очаровательным ведерком для мела. И потом, я их читаю на ночь.)

2. Туфли. (И вовсе не глупость хранить всю обувь в «родных» коробках. Когда-нибудь она снова войдет в моду и достанется Минни. А Люк пусть чаще смотрит под ноги.)

3. Элинор, его мать. (Долгая, очень долгая история).

4. Звезды.

В конце концов, мы в Лос-Анджелесе. Тут кругом сплошные звезды. Это местное природное явление. В Лос-Анджелес приезжают ради звезд, как на Шри-Ланку – ради слонов.

Но Люк и глазом не моргнул при виде Тома Хэнкса в вестибюле «Бeverли-Уилшир». И бровью не повел на Холли Берри (ну вылитая ведь Холли Берри), сидевшую через три столика от нас в «Айви». И даже голову не повернул на идущую по противоположному тротуару Риз Уизерспун (стопроцентно Риз Уизерспун, волосы один в один того же оттенка).

А про Сейдж он отзывается как про любую другую подопечную. Какую-нибудь компанию «Форленд инвестментс». Якобы это она в нем и ценит – нежелание участвовать во всеобщем цирке. Мне же Люк заявляет, что я слишком много значения придаю голливудской мишуре. Вот тут он неправ. Почему это много? В самый раз.

Хотя в глубине души на Сейдж я тоже слегка обижена. Да, лично мы с ней не знакомы, но по телефону-то общались, когда она помогала с подготовкой вечеринки-сюрприза для Люка. (Правда, теперь у нее другой номер телефона, который Люк мне не говорит.) Могла бы уже как-то выйти на связь или пригласить меня в гости с ночевкой, например...

Ну да ладно, завтра, наконец, все устроится. Не хочу хвастать, но на Десятимильный забег я попала исключительно благодаря своей молниеносной реакции. Вчера случайноглянула через плечо Люка в его ноутбук, и тут как раз пришла общая рассылка от Арана – менеджера Сейдж. С заголовком: «Кто не успел, тот опоздал».

«Дорогие друзья!

В команде Десятимильного забега образовалось свободное место – один из бегунов выбывает из-за травмы. Есть желающие поучаствовать и поддержать Сейдж?»

Я даже опомниться не успела, как пальцы сами нажали «Ответить» и отбарабанили: «Да-да-да! С удовольствием побегу вместе с Сейдж! С наилучшими пожеланиями, Бекки Брендон».

Ну да, может быть, имело смысл сначала посоветоваться с Люком. Но ведь «кто не успел, тот опоздал». Какие тут совещания?

Оторопевший Люк только и выдохнул: «С ума сошла?» А потом завел обычную песню: да это настоящий марафон для настоящих спортсменов, да где я найду спонсора, да у меня даже кроссовок беговых, наверное, не водится. Нет бы поддержать...

Хотя насчет кроссовок он вообще-то прав.

– А вы тоже в кинобизнесе? – интересуется Минди, отдавая мне чек.

– Нет, я персональный закупщик.

– О, вот как? А в каком магазине?

– Ну... в «Далавеар».

– Да? – озадаченно хмурит лоб Минди. – Это который для...

– Пожилых. Именно, – скидываю я подбородок. – Замечательный магазин. Интереснейший ассортимент. Жду не дождусь, когда смогу приступить!

Я действительно настраиваюсь на лучшее, хоть магазин вовсе не предел моих мечтаний. «Далавеар» продает «комфортную одежду» для дам, ценящих «удобство превыше стиля». (В буклетах прямо так и написано. Надо будет уговорить их поменять формулировку на «удобство не меньше стиля».) На собеседовании мне битый час твердили про эластичные пояса и ноские ткани – и ни слова о последних модных тенденциях! Точнее, вообще о модных тенденциях.

Если честно, вакансий персонального закупщика в Лос-Анджелесе для новоприбывшей британки не то чтобы пруд пруди. Особенно для британки, которая, возможно, здесь

всего на три месяца. В «Далавеар» вакансия образовалась благодаря ушедшей в декрет сотруднице, а я показала класс на собеседовании (ну да, сам себя не похвалишь...). Таких дифирамбов напела «многофункциональным платьям-рубашкам в цветочек», что чуть себе такое не купила.

– Давайте я еще кроссовки посмотрю? Не в этом же мне бежать! – киваю я, хихикнув, на свои с каблуком-рюмочкой.

(Между прочим, я как-то раз настоящую гору покорила примерно в таких же. Правда, Люк, когда я вчера сослалась на тот случай в подтверждение своей спортивной подготовки, вздрогнул и сказал, что стер его из памяти.)

– Конечно, – кивает Минди. – Это вам в наш инвентарный отдел, «Рывок!», через дорогу. Там у нас вся обувь, тренажеры, пульсометры... А вы в Британии проходили биомеханическое обследование?

Я моргаю. Био-что?

– Попросите консультантов в том отделе, они все сделают. – Минди вручает мне фирменный пакет с моей одеждой. – Хотя вы, наверное, в превосходной форме. Я занималась у тренера Сейдж Сеймур. Она просто зверь! И про спецподготовку наслышана. Вы тоже ездили на сборы в Аризону?

Мне становится не по себе. Тренер-зверь? Спецподготовка? Но нет, я не собираюсь опускать руки. Что, я какой-то марафон не пробегу, пусть даже и в Лос-Анджелесе?

– Нет, на сборы не ездила, – признаюсь я. – Но у меня своя собственная... индивидуальная... кардио...

Все будет хорошо. Подумаешь, марафон. Бежишь себе и бежишь.

Я выхожу обратно на Родео-драйв, и на теплом весеннем воздухе у меня словно крылья вырастают. Мне понравится в Лос-Анджелесе, иначе быть не может. Он в точности такой, как о нем рассказывали. Море солнца, белоснежные зубы, особняки, словно декорации для съемок. Я уже несколько домов успела посмотреть, и в каждом был бассейн. Бассейн тут, кажется, такая же бытовая вещь, как у нас холодильник.

Улица просто воплощение гламура. Кругом сияющие витрины дорогих магазинов, аккуратные пальмы и ряды шикарных автомобилей. Автомобили здесь – это нечто! Все разъезжают в ярких кабриолетах с опущенной крышей, такие расслабленные, открытые – хоть сейчас подходи к ним на светофоре и завязывай разговор. Совсем не похоже на Британию, где все вечно закупорятся в салоне и проклинают дождь.

Солнце бликует на витринах, темных очках и дорогих часах. Рядом с «Дольче и Габбана» женщина грузит в машину целую гору фирменных пакетов – вылитая Джулия Робертс, только волосы светлее. И ростом пониже. А в остальном точь-в-точь Джулия Робертс! На Родео-драйв!

Я подбираюсь поближе в надежде подсмотреть логотипы на пакетах, но тут звонит телефон. На экране высвечивается: «Гейл». Гейл – моя будущая начальница в «Далавеар», и завтра утром у нас встреча.

– Здравствуйте, Гейл! – бодрым деловым тоном отвечаю я. – Получили мое сообщение? На завтра все в силе?

– Здравствуйте, Ребекка! Да, все как договаривались... – Она мнетя. – Единственная неувязка – у нас до сих пор нет ваших рекомендаций от Дэнни Ковитца.

– Да, точно.

Черт. Дэнни – один из моих лучших друзей и довольно известный дизайнер. Он обещал дать мне рекомендацию для «Далавеар», только вот никак не соберется. Вчера я напомнила ему эсэмэской, он поклялся отправить все в течение часа. Неужели опять забыл? Поверить не могу.

Хотя нет, какое там! Охотно верю.

– Я ему позвоню. Простите за накладку.

Конечно, не надо было в принципе просить у Дэнни никаких рекомендаций. Но ведь как круто смотрелась в резюме фамилия известного дизайнера! И, по-моему, помогло. На собеседовании меня только о нем и спрашивали.

– Ребекка... – осторожно уточняет Гейл. – Вы действительно знакомы с мистером Ковитцем? Лично?

Считает, я все выдумала?

– Разумеется, лично! Не беспокойтесь, рекомендация будет. И еще раз простите за задержку. До завтра!

Я отключаюсь и через моментальный набор звоню Дэнни, стараясь держать себя в руках. Ругаться на него бесполезно, получишь только отговорки и жалобы на жизнь.

– Боже мой, Бекки! – с места в карьер начинает Дэнни, будто мы прервали разговор секунду назад. – Ты не представляешь, сколько всего нужно тащить в экспедицию. Вот, например, сублимированная лазанья – я даже не знал, что такое бывает. А еще у меня есть прелестнейший мини-чайник, тебе тоже пригодится.

Дэнни сейчас еще рассеяннее, чем обычно. Он готовится к какой-то благотворительной экспедиции через Гренландский ледяной щит с участием знаменитостей. Все знакомые в один голос твердят, что он сошел с ума, однако Дэнни настроен решительно. Уверяет, что его цель – отдача долга и преодоление себя, но мы-то прекрасно знаем, что все дело в Деймоне, солисте «Бойз Эбаут», который тоже участвует.

Только я лично не представляю, как крутить романы в гренландской экспедиции. Как там целоваться, например? Губы же, наверное, смерзнутся? Хотя эскимосы как-то справляются...

– Дэнни, – начинаю я строго, усилием воли прогоняя мысленную картинку, на которой отчаянно машут руками двое скованных поцелуем молодых эскимосов. – Дэнни, что там с моими рекомендациями?

– Да-да, – без малейшего смущения отвечает Дэнни. – Уже пишу. Сколько пар термобелья мне взять?

– Ничего ты не пишешь! Ты еще вчера обещал прислать! Завтра у меня встреча, а в магазине уже не верят, что я вообще с тобой знакома!

– Как это не знакома, когда знакома, – снисходительно втолковывает мне Дэнни.

– А они вот не в курсе. Это мой единственный шанс устроиться в Лос-Анджелесе на работу, мне нужна рекомендация. Дэнни, если не можешь, скажи сразу, я кого-нибудь другого попрошу.

– Другого? – Только Дэнни умеет смертельно обижаться, когда сам неправ. – Это еще зачем?

– Затем, что от него, может, будет толк, – терпеливо объясняю я. – Тебе нужно всего-навсего отправить коротенькое письмецо. Если хочешь, продиктую: «Дорогая Гейл, рекомендую вам Ребекку Брендон в качестве персонального закупщика. Подпись, Дэнни Ковитц». – В трубке тишина. Неужели записывает? – Понятно? Записал?

– Еще не хватало! – возмущается Дэнни. – Никудышная рекомендация. Думаешь, мне больше про тебя сказать нечего?

– Ну...

– Рекомендация – это не отписка. Я в них душу вкладываю. Рекомендация – это произведение искусства.

– Но...

– Нужна рекомендация – приеду и лично тебя порекомендую.

– В каком смысле?

– Отделяться тремя предложениями по электронной почте не мой стиль. Я лечу в Лос-Анджелес.

– Ради рекомендации? – Меня разбирает смех. – Ты где сейчас, в Нью-Йорке?

С тех пор, как Дэнни стал крутым дизайнером, отловить его невозможно. Только в этом году он открыл три новых демонстрационных зала, в том числе один в Беверли-Центр, здесь, в Лос-Анджелесе. Казалось бы, теперь не до разъездов, однако Дэнни все равно постоянно куда-то срывается на разведку или в «творческий поиск» (то есть на отдых).

– В Сан-Франциско. Я в любом случае собирался прилететь. Мне нужен солнцезащитный крем. Я всегда покупаю его в Лос-Анджелесе. Перешли мне адрес, я приду.

– Но...

– Как раз кстати! Поможешь мне придумать кличку для хаски. Каждому полагается спонсировать по одной собаке, хотя я мог бы взять на себя целую упряжку. Нет, правда, эта экспедиция перевернет всю мою жизнь...

Раз Дэнни начал про поворотные моменты, его уже не остановишь. Дам ему на Гренландию минут двадцать. Или двадцать пять. А потом пойду за кроссовками.

Глава 2

Все, теперь у меня самые крутые кроссовки на свете! Серебристые с оранжевыми полосками, с гелевыми подушечками, с сетчатыми вставками – весь день бы в них ходила.

Этот спортивный магазин – просто нечто! Сюда нельзя на минутку заскочить за кедами – надеть, потоптаться, сказать: «Беру» и по пути к кассе прихватить шесть пар спортивных носков, раз уж на них скидка. Нет и нет. Тут все по науке. Сперва тест на беговой дорожке, тебя записывают на видео, определяют особенности работы стопы и подбирают идеальную пару обуви под твои спортивные нужды.

Почему в «Джимми Чу» до такого не додумались? Поставили бы небольшой подиум – вышагиваешь туда-сюда под хитовую музыку (и может быть, даже в свете стробоскопов), тебя снимают на видео, а потом консультант говорит: «Ваша непревзойденная модельная походка требует черно-белых шпилек». А видео ты забираешь домой и показываешь друзьям. Подкину «Джимми Чу» эту идею в следующий раз.

– Вот про этот пульсометр я говорил... – Консультант по имени Кай возвращается с резиново-металлическим браслетом. – Последняя модель, только-только привезли, на руке совершенно незаметен. Как он вам?

– Здорово! – Я в восторге надеваю браслет.

Кай предложил мне принять участие в потребительском тестировании нового пульсометра, и я согласилась – почему бы и нет? Единственная заминка вышла, когда он спросил, какой пульсометр у меня сейчас, и я, не желая признаваться, что никакого, выпалила: «Керв» (и только потом сообразила, что так называется новый «Блэкберри» Люка).

– Принести еще кокосовой воды?

Кокосовой воды! Как это по-калифорнийски! Здесь все такое калифорнийское. И сам Кай мускулистый, загорелый, в меру небритый, а глаза у него ярко-бирюзовые (наверняка линзы) – вылитый Джаред Лето. Небось явился к пластическому хирургу с вырванной страницей из «Ю-Эс уикли» и сказал: «Мне, пожалуйста, вот так же».

Он уже успел ненароком вернуть, что 1) участвовал в съемках для «Спорте иллюстрейтед», 2) пишет сценарий про консультанта спортивного магазина, который становится кинозвездой, 3) три года подряд побеждал в конкурсе «Мистер грудные мышцы Огайо», и теперь его грудные мышцы застрахованы особо. Меня он чуть ли не с порога спросил, отношусь ли я к киноиндустрии, и услышав, что нет, зато мой муж – да, вручил мне визитку. «Его может заинтересовать мое предложение». Представив, как Люк обсуждает с Каем грудные мышцы за деловым обедом, я поперхнулась кокосовой водой.

– Поднимайтесь вот сюда, – Кай подводит меня к беговой дорожке. – Я буду следить за уровнем пульса и варьировать аэробную нагрузку. А вы просто подстраивайтесь под темп.

– Отлично!

Я ступаю на резиновое полотно, и тут два консультанта выкатывают в зал длинную стойку со спортивной одеждой. Ого! Какая прелесть – все оттенки сиреневого с серым, с абстрактными логотипами, и крой нетривиальный...

– Что это? – интересуюсь я у Кая. Дорожка приходит в движение.

– А, – безразлично хмыкает он. – Это из ликвидационного отдела спортивной моды.

Ликвидационный отдел? Спортивной моды? Мне никто не говорил про ликвидационный отдел! Почему никто ни словом не обмолвился про ликвидационный отдел?

– Странно! – Кай в недоумении смотрит на дисплей. – У вас только что обозначился резкий скачок пульса, хотя мы еще даже нагрузку не увеличивали. Ну да ладно, – пожимает он плечами. – Поехали!

Дорожка ускоряется, и я автоматически прибавляю шаг. Но все мои мысли занимает стойка с одеждой, на которой консультант развешивает ярлыки с цифрами скидок! Заметив «90 %», я выворачиваю шею, пытаюсь разглядеть, на что такая уценка. Футболка? Мини-платье? Или...

Боже, какой кардиган! У меня перехватывает дыхание. Потрясающе! Удлиненный, похоже, что из кашемира, серый, с огромной кислотно-розовой «молнией» спереди и на спине. Просто чудо!

– Так, теперь отдохнем... – Кай не сводит глаз с дисплея. – Пока просто отлично.

Дорожка замедляется, но мне сейчас не до нее. Я чувствую нарастающую панику. Две заглянувшие в магазин девушки кидаются напрямик к стойке. С восторженными возгласами они снимают одну вещь за другой и не глядя бросают в корзину. Сейчас всю стойку обчистят! Глазам не верю! В десяти шагах от меня проходит распродажа века, а я торчу на дурацкой дорожке. Ладно, лишь бы кардиган не замечали. «Не смотрите на кардиган!» – внушаю я девочкам.

– Хм, очень странно. – Кай снова недоуменно морщит лоб. – Давайте пока прервемся.

– Да и мне уже пора. – Я, едва дыша, подхватываю сумку и корзинку. – Спасибо! Если мне понадобится пульсометр, обязательно возьму этот, но сейчас боюсь опоздать...

– Ребекка, у вас, случаем, нет аритмии? Нарушения сердечного ритма?

– Нет. – Я замираю на полпути. – А что? На дисплее что-то страшное?

Шутит? Нет. Лицо серьезное. Я цепенею от страха. Что там такое? Боже, я попаду в раздел здоровья «Дейли мейл». Редкое сердечное заболевание диагностировано во время простейшего кардиотеста в спортивном магазине. «Шопинг спас мне жизнь», – заявляет Ребекка Брендон.

– Ваше сердцебиение дает нетипичную картину. Учащается в самые неожиданные моменты. В последний раз во время передышки.

– Да? – тревожусь я. – Это плохо?

– Не обязательно. Зависит от многих факторов. От общего состояния сердца, от кардиоподготовки...

Я тем временем невольно снова скашиваю глаза на стойку, где – о ужас! – одна из девочек как раз хватается мой кардиган. Нет! Нет-нет-нет! Положи на место!

– Вот, снова! – Кай, оживившись, тычет в экран. – Видите, как подскочил пульс?

Я смотрю на Кая, на дисплей, на кардиган с кислотно-розовой «молнией»... Куски головоломки встают на место. Боже, так вот почему...

Какой конфуз. Глупое сердце. Я заливаюсь краской и поспешно отворачиваюсь от Кая.

– Да уж! – спешу я замять тему. – Даже не представляю, с чего это вдруг. Просто загадка. Сердечные тайны, ха-ха.

– А-а, вот оно что. – В глазах Кая загорается понимание. – Да-да, осознал. Уже сталкивался, было дело.

– С чем сталкивались?

– Ну... – сверкает он белоснежной улыбкой. – Вы чувствуете физическое влечение ко мне, так ведь? Не смущайтесь, это нормально. Хотя в итоге мне пришлось завязать с личным тренерством. Клиентки... как бы выразиться... теряли голову. – Он самодовольно косится на зеркало. – Вы просто не смогли с собой совладать. Угадал?

– Не совсем, – отвечаю я честно.

– Ребекка, – вздыхает Кай. – Я понимаю, вам неловко признаваться, но, поверьте, вы не первая на меня западаете...

– Я не на вас запала, – объясняю я. – А на кардиган.

– На кардиган? – Кай в недоумении оттягивает футболку на животе. – Это ведь не кардиган.

– Знаю. Кардиган вон там. На распродаже, – показываю я. – Я смотрела на него, не на вас. Вот, сами убедитесь!

Воспользовавшись возможностью, я лечу к стойке и хватаю кардиган, который девчонки, слава богу, повесили обратно. Он мягчайший, а «молния» – просто изумительная, и скидка – целых семьдесят процентов! Наверняка пульс опять скакнул до небес при одной мысли, что я держу это сокровище в руках.

– Ну разве не чудо? Разве не прелесть? То есть вы тоже, конечно, симпатичный, – спешу я исправить бестактность. – Не будь кардигана, я обязательно обратила бы на вас внимание. Повисает тишина. Кай слегка ошарашен. Даже бирюзовые глаза словно тускнеют.

– Вы обратили бы на меня внимание, не будь тут кофты? – наконец выговаривает он.

– Ну да, конечно. И даже, возможно, потеряла бы голову, как те клиентки. Разве что вам досталось бы в соперники еще какое-нибудь сокровище, например, костюм «Шанель» со скидкой в девяносто девять процентов. Этого, наверное, ни одному мужчине не затмить, – смеюсь я, но лицо Кая вытягивается.

– С одеждой мне еще конкурировать не доводилось, – говорит он как будто про себя. – Вещи...

Былая непринужденность и веселье постепенно улечиваются. Наверное, пора расплатиться за кроссовки и убираться.

– Спасибо за кардиотест! – бодро благодарю я, снимая браслет. – И берегите грудные мышцы!

Нет, правда! Ну и самовлюбленный этот Кай... Да, у него потрясающие бирюзовые глаза и божественная фигура, но кислотно-розовой «молнии» у него нет. Мало ли у кого потрясающие голубые глаза! А кардиган с крутейшей огромной «молнией» – один-единственный. И если Кай воображает, что до сих пор ни разу не соперничал с вещами, то все его девушки ему ввали. У любой женщины может в разгар секса мелькнуть мысль о туфлях. Известный факт.

Ладно, ну его, этого Кая. Зато у меня теперь самые лучшие, самые скоростные в мире кроссовки. И ничего, что они стоили жутких четыреста долларов, – будем считать это инвестицией в мою карьеру. В саморазвитие.

– Я вам их упакую, – говорит кассир, и я рассеянно киваю. Мысленно я уже на стартовой линии рядом с Сейдж, которая хвалит со знанием дела: «Крутые кроссовки!» А я отвечаю с беззаботной улыбкой: «Спасибо». А Сейдж мне: «И почему Люк до сих пор молчал, что ты спортсменка?» А я: «Еще какая! Обожаю бег». (Пока нет, если честно, но обязательно полюблю. Как только побегу, выброс эндорфинов мгновенно вызовет привыкание и зависимость.) А Сейдж: «Так давай тренироваться вместе! Каждое утро!» А я, небрежно: «Конечно». А Сейдж: «Я обычно бегаю с подругами, но вы с ними легко сойдетесь. Ну там Кейт Хадсон, Дрю Бэрримор, Камерон Диас и...»

– Картой или наличными, мэм?

Очнувшись, я моргаю и лезу за картой.

– Да, вот. Картой.

– А флягу уже выбрали?

– Что?

– Фляга дается в подарок к каждой паре обуви, – поясняет кассир, показывая на плакат у кассы.

Ух ты, эти кроссовки с каждой минутой все выгоднее.

– Сейчас посмотрю, спасибо!

Просияв, я направляюсь к стенду с флягами. Хипповую флягу Сейдж, наверное, тоже оценит. Их тут целый стеллаж – хромированные, матово-черные и силиконовые всех цветов радуги. Взгляд скользит выше и натывается на подпись «лимитированная коллекция». Я

прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть рисунок, но эти фляги совсем высоко, на пятой полке. Ну кто так делает? Кто ставит лимитированные коллекции на пятую полку?

Я подтаскиваю к стеллажу стоящую неподалеку стремянку. Вот теперь фляги видны во всей красе, и они совершенно потрясающие – с изумительными ретропринтами. Выбрать невозможно, глаза разбегаются, но в конце концов я останавливаюсь на трех – в красную полоску, с янтарными завитками и в черно-белый цветочек. Одна будет бесплатно, а за остальные две заплачу – будут сувениры для Минни и Сьюз.

Осторожно поставив три фляги на верхнюю ступень стремянки, я обвожу глазами зал. Отсюда отличный обзор. Видно все проходы, и непрокрашенные корни на голове покупательницы у кассы, и...

Ой.

Погодите...

Застывшим взглядом я смотрю в дальний угол.

На девушку, которую заметила только сейчас. Она худющая, в бледно-голубых джинсах-скинни, серой толстовке с накинутым на голову капюшоном и темных очках, закрывающих лицо. Весь этот камуфляж неспроста. Потому что девушка ворует.

Она сует в огромную сумку («Баленсиага», последняя коллекция) одну пару носков, потом другую. Потом третью. Потом, оглянувшись, она словно съеживается в своей толстовке и быстро идет к выходу.

Никогда прежде не видела магазинного вора «за работой», поэтому на миг я просто каменею. Но уже через секунду внутри вскипает ярость. Девушка ворует! В магазине! Так не должно быть! Это недопустимо!

А если все так начнут делать? Мало кто откажется от бесплатных носков, но это не значит, что можно просто идти и брать. Мы оплачиваем покупки. Даже если они нам не совсем по карману.

Внутри у меня все переворачивается. Я клокочу от злости. Это нечестно! Я вдруг понимаю, что не дам ей уйти. Нужно что-то делать. Не знаю что, только нужно. Оставив фляги, я соскакиваю со стремянки и пулей лечу на улицу. Вон она, эта девушка! Я перехожу на бег, лавируя между прохожими. Сердце тревожно колотится. А если она решит меня припугнуть? Вдруг у нее пистолет? Боже, конечно, пистолет! Это же Лос-Анджелес, тут у всех оружие. Плохи дела. Ладно, пусть меня застрелят, но я не отступлю! Вытянув руку, я хлопаю девушку по костлявому плечу.

– Простите?

Девушка оборачивается, и я испуганно сжимаюсь – сейчас мне в бок упрется холодное дуло. Но его нет. За огромными темными очками лица воровки почти не видно, только бледный острый подбородок и тощую, почти дистрофическую шею. Мне вдруг становится ее жалко. Вдруг она бездомная? И ей нечем больше заработать? Продаст носки и купит еды своему младенцу-кокаинщику?

Внутренний голос шепчет: «Отвернись, Бекки! Пусть идет себе». Но я не могу. Потому что, даже если у нее младенец-кокаинщик, это неправильно. Так не должно быть.

– Вы попались, – заявляю я. – Я видела, как вы взяли носки.

Девушка, вздрогнув, хочет сорваться с места, и я машинально хватаю ее за локоть.

– Воровать нельзя! Нельзя, и все! Вы, наверное, думаете: «А что такого, никто же не пострадает». На самом деле страдают продавцы. Иногда у них вычитают из зарплаты за пропажу. Это разве честно? – Девушка отчаянно выкручивается, но я крепко держу ее обеими руками. У матери двухлетнего ребенка вырабатывается бульдожья хватка. – А потом подсказывают цены, – пыхчу я. – И страдают все. Вы, наверное, думаете, что выхода нет, но это не так. Еще можно изменить свою жизнь. Можно обратиться за помощью. Вас принуждают воровать? – сочувственно спрашиваю я. – Не спорю, тяжело. Но есть ведь кризисные

центры. Я видела передачу, там все замечательно устроено. – Я уже собираюсь рассказать подробнее, когда очки у девушки сползают, приоткрывая лицо.

И у меня вдруг слабеют колени. Дыхание перехватывает. Это же...

Нет. Не может быть.

Да. Это она.

Лоис Келлертон.

Все мысли о кокаинщиках и кризисных центрах словно ветром сдувает. Это невероятно. Это невозможно. Это сон. Я, Бекки Брендон, урожденная Блумвуд, держу мертвой хваткой голливудскую звезду Лоис Келлертон. Мой взгляд прикован к ее знаменитому профилю, ноги подкашиваются. Лоис Келлертон! Я видела все ее фильмы, я видела ее на красной дорожке, я видела...

Но...

То есть с какой тогда стати...

Лоис Келлертон украла три пары носков? Это что, шоу «Скрытая камера»? Словно застыв в стоп-кадре, мы сверлим друг друга глазами. Я помню ее в роли Тэсс в чудесной экранизации «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Как я плакала! А еще был научно-фантастический фильм, где она в конце нарочно выбрасывается на Марс, чтобы спасти своих полуинопланетных детей. Мы со Съюз обрыдались.

Я откашливаюсь, собираюсь с мыслями.

– Я... я вас знаю...

– Пожалуйста, – перебивает она знакомым глуховатым голосом. – Прошу вас. – Лоис снимает очки, и я снова прихожу в ужас. Вид у нее жуткий. Глаза красные, кожа шелушится. – Пожалуйста, – в третий раз повторяет она. – Мне... мне очень стыдно. Очень. Вы работаете в магазине?

– Нет. Я покупатель. Я стояла на стремянке.

– Продавцы меня заметили?

– Не знаю. Вряд ли.

Трясущимися руками она вытаскивает из сумки три пары носков и сует мне.

– Я не ведала, что творю. Не спала две ночи. Кажется, у меня слегка едет крыша. Я никогда раньше ничего подобного не делала. И больше не буду. Пожалуйста, – шепчет Лоис, втягивая голову в капюшон. – Возьмите носки, верните в магазин.

– Я?

– Пожалуйста! – Голос ее полон отчаяния. Я деревенеющей рукой забираю носки. – Вот, – порывшись в сумке, она протягивает мне пятьдесят долларов. – Отдайте сотрудникам.

– Вид у вас... эм-м... замученный, – решаюсь я. – Какие-то неприятности?

Лоис Келлертон поднимает голову, смотрит мне в глаза, и я вдруг вспоминаю леопарда в испанском зоопарке. У него был такой же загнанный вид.

– Вы сообщите в полицию? – выдыхает она едва слышно. – Расскажите, что произошло?

Господи. Господи! Что же мне делать?

Я тяну время, запихивая носки в сумку. Сообщить нужно. Конечно, нужно сообщить. Какая разница, звезда она или нет? Она украла товар, это преступление, и мой гражданский долг – арестовать ее и передать в руки правосудия.

Но... Я не могу. Просто не могу. Она такая хрупкая. Как бабочка или бумажный цветок. И потом, она же возвращает украденное, с компенсацией, и, судя по всему, у нее просто случилось минутное помутнение...

Лоис Келлертон покаянно склоняет голову. Серый капюшон падает на глаза. Словно перед казнью.

– Я никому не скажу, – говорю я наконец. – Обещаю. Носки верну на место и никому не скажу.

Я отпускаю руки, и ее тонкая ладонь сжимает мою. Темные очки уже надвинуты обратно. Никому не известная худющая девчонка в толстовке с капюшоном.

– Спасибо, – шепчет она. – Спасибо. Как вас зовут?

– Бекки, – оживляюсь я. – Бекки Блумвуд. То есть Брендон. Я была Блумвуд, а потом вышла замуж и сменила фамилию... – Боже, что я несу... – Э-э, в общем, Бекки, – неловко заканчиваю я. – Меня зовут Бекки.

– Спасибо вам, Бекки.

И прежде чем я успеваю открыть рот, она разворачивается и исчезает.

Глава 3

Наутро голова у меня по-прежнему идет кругом – настолько невероятно случившееся вчера. Неужели это все взаправду? Неужели я действительно встретила Лоис Келлертон?

Когда я вернулась в «Рывок!», пропажу еще не обнаружили. На миг мне стало страшно: чего доброго, обвинят в воровстве. К счастью, занявшийся происшествием сотрудник включил запись с камеры наблюдения – там отчетливо было видно, как худющая девчонка в серой толстовке с капюшоном кладет носки в сумку и выходит. Я сидела как на иголках, едва сдерживаясь, чтобы не закричать: «Вы что, не видите, кто это? Разуйте глаза!»

Но я, конечно, промолчала. Я ведь дала обещание. И потом, мне все равно не поверили бы. На этой записи лица вообще не разглядеть.

Потом мы посмотрели кусок, где я гонюсь за воровкой. Что сказать... Никогда больше не куплю утягивающий спортивный комбинезон. Чуть не умерла от стыда, когда увидела свою необъятную задницу в блестящей лайкре.

Ну да ладно. Зато всех очень впечатлил мой поступок (и ничего, что потом их куда больше увлек горячий спор, цеплять ли на носки магнитную защиту).

По моей версии, «таинственная девушка» выронила украденное на бегу, но саму ее догнать мне не удалось. Не зная, как в таком случае объяснить происхождение пятидесяти долларов, я просто притворилась, будто нашла купюру на полу. А потом, оставив данные для полиции, поспешила в гостиницу, где наконец срезала с себя жуткий комбинезон. (Взамен купила в «Гэпе» шорты с футболкой.)

Лоис Келлертон... Лоис Келлертон! Узнай кто, умрет на месте (Сьюз так точно). Но я никому не говорила. Когда вчера вечером мы с Люком наконец сели ужинать, он начал расспрашивать про запланированные для просмотра дома – не могла же я проговориться, что столько проторчала на Родео-драйв... и потом, я дала обещание. Я поклялась, что никому не проболтаюсь, и я держу слово. А сегодня вчерашнее происшествие и вовсе кажется бредовым сном.

Встряхнув головой, я прогоняю видение. Сейчас у меня других забот хватает. Я на Беверли-бульваре у входа в «Далавеар», в витрине которого манекены в «элегантно-комфортных» платьях и брючных костюмах угощаются чаем на искусственной лужайке.

До встречи с Дэнни еще минут двадцать; я специально приехала пораньше, чтобы освежить в памяти ассортимент и размещение в залах. В магазине приятно пахнет розами, фоном играет Фрэнк Синатра. Мило у них тут, хоть пиджаки и отличаются друг от друга разве что пуговицами.

Я прохожу через зал разрозненных предметов гардероба, через обувной, бельевой – и оказываюсь в отделе вечерней одежды. Тут в основном длинные корсетные платья кричащих цветов вроде малинового и барвинково-голубого. Царство пышных розеток на талии и на плечах, расшитых бисером лифов, шнуровки и вшитого утягивающего белья. От одного взгляда мне становится плохо – особенно при воспоминании о собственных мучениях с утягивающим комбинезоном. Есть в мире вещи, которые просто не стоят такой возни.

Я уже собираюсь вытащить телефон и отправить эсэмэску Дэнни, когда рядом слышится шелест, и из примерочной к большому зеркалу выходит девочка лет пятнадцати. Образцом стиля и ухоженности ее не назовешь: темно-рыжее каре пушится и топорщится, ногти обгрызены, брови можно было бы слегка подщипать. Но самое страшное не это, а нефритово-зеленое шуршащее платье без бретелей, которое ее словно съедает, и в придачу к нему – жуткий шифоновый палантин. Девочка неуверенно смотрится в зеркало и поддерживает лиф, который ей явно не по размеру. Боже, я этого не вынесу! Что она здесь делает? Это не подростковый магазин.

– Здравствуй! – тороплюсь я к ней. – Ого! Очень даже... мило. Нарядно и... торжественно.

– Это на выпускной, – мрачно вздыхает девочка.

– Ясно. Здорово! – Я выдерживаю паузу. – Знаешь, в «Урбан аутфиттерс» есть очень симпатичные платья. То есть «Далавеар», конечно, прекрасный выбор, но в твоём возрасте...

– Придется брать тут. – Девочка смотрит на меня несчастным взглядом. – У мамы купоны отсюда. Заявила, что на мое платье ни цента не потратит – либо так, либо никак.

– Понятно.

– Консультант сказала, что к моему цвету волос лучше зеленый, – безнадежно добавляет девочка. – Она ушла туфли подыскивать.

– Зеленый – это... мило. – Я скрещиваю пальцы за спиной. – Броско.

– Да нет, можете не утешать. Я вижу, что ужасно, – расстроено ссутуливается девочка.

– Нет! – разубеждаю я поспешно. – Просто... оно тебе великовато... и пышновато... – Я одергиваю шифоновые оборки, втайне мечтая откромсать их ножницами все до единой. Зачем превращать подростка в рождественскую хлопушку? Нужно что-то простое и изящное, вроде...

И тут меня осеняет.

– Жди здесь! – командую я и бегу обратно в секцию белья. У меня уходит секунд двадцать, чтобы набрать там шелковых и кружевных комбинаций, «граций» и «атласных комбинезонов с лифом на косточках». Все в черном.

– Где вы это достали? – Глаза девочки загораются при виде охапки, с которой я возвращаюсь в отдел вечернего платья.

– В другой секции, – уклончиво отвечаю я. – Меряй! Все самого маленького размера. Меня, кстати, Бекки зовут.

– Анита. – Девочка улыбается, обнажая громоздкие брекеты.

Пока она шуршит за шторой, я подыскиваю аксессуары – черный расшитый бусинами кушак и лаконичный темно-розовый клатч.

– Ну, как вам? – Анита робко показывается из примерочной.

Ее не узнать. Кружевная комбинация словно уменьшила ее на три размера, а ноги удлинила до бесконечности. Черное кружево оттеняет молочную кожу, и даже куцее каре смотрится интереснее.

– Потрясающе! Сейчас, только прическу сообразим... – Я быстро смачиваю руки водой из бутылки для посетителей, приглаживаю каре, превращая его в озорную шапочку, перехватываю талию кушаком и вручаю Аните розовый клатч. – Вот! – с гордостью объявляю я. – Выглядишь потрясающе. Ну-ка, выпрями спину. Посмотри в зеркало. Просто сногшибательно!

Еще туфли на каблуке – и хоть сейчас на обложку! Со счастливым вздохом я смотрю, как расправляются Анитины плечи и загораются глаза. Боже, как я люблю кого-нибудь наряжать!

– Вот, я нашла ваш размер... – возвещает звонкий голос за спиной. К Аните торопится женщина лет шестидесяти с парой туфель в руках. Я ее видела, когда приходила на собеседование. Как же ее зовут, Рода?... Ага, на бейдже написано – Рона.

– Ой! – Она с изумленным смешком смотрит на девочку. – А куда подевалось платье?

Девочка в растерянности косится на меня, и я понимаю, что пора вмешаться.

– Здравствуйте, Рона! Я Бекки, мы уже встречались, скоро я буду здесь работать. Решила помочь Аните с нарядом. Правда ведь, отличное получилось платье?

– Боже мой! – Приклеенная улыбка даже не дрогнула, но глаза мечут в меня молнии. – Как изобретательно. Анита, милочка, покажитесь-ка лучше еще разок в том зеленом.

– Нет, – упрямится Анита. – Я возьму это. Оно мне нравится.

Она исчезает за шторой.

– Все в порядке, – вполголоса говорю я Роне. – Зеленое можно больше не мерить. Ей в нем плохо. Слишком велико. И не по возрасту. Но тут меня вдруг осенило – и вуаля!

– Дело не в этом, – ошетинивается Рона. – Вы представляете, какая комиссия полагается за вечернее платье? А за комбинацию?

– Да какая разница! – возмущенно отмахиваюсь я. – Главное, что девочке в ней лучше!

– Зеленое наверняка смотрелось красивее. Комбинация, как можно! – Рона хмурится осуждающе. – На выпускной. В комбинации!

Я прикусываю язык. Свои истинные мысли лучше не озвучивать.

– Знаете, нам все равно работать вместе, так что... предлагаю каждой остаться при своем мнении.

Я примирительно протягиваю руку, однако пожать ее Рона не успевает, потому что кто-то с громким возгласом обнимает меня со спины.

– Бекки!

– Дэнни! – Обернувшись, я окунаюсь в сияние голубых глаз, жирно обведенных черным. – Ого! Какой ты... ньюромантичный.

Дэнни, даром что ведет самый нездоровый на свете образ жизни, не толстеет ни на грамм и не стареет ни на день. Сегодня его выкрашенные в черный волосы уложены в пышный кок, в одном ухе болтается серьга, а узкие джинсы заправлены в «казаки».

– У меня все готово! Рекомендацию составил. Выучил в самолете. Кому рассказывать? Вам? – Он с полупоклоном обращается к Роне. – Меня зовут Дэнни Ковитц – да, тот самый, спасибо! – я прибыл, чтобы рекомендовать Ребекку Брендон в качестве непревзойденного персонального закупщика.

– Стой! – Я розовею от смущения. – Не здесь. Нам нужно найти Гейл, мою будущую начальницу.

– А, – с невозмутимым видом кивает Дэнни. – Ну, ладно.

Тем временем из примерочной появляется Анита и идет к Роне.

– Все, я беру черное кружевное. И розовый клатч с кушаком.

– Конечно, милая, – недовольно поджимает губы Рона. – Как скажете. А не хотите еще вот этот чудесный розовый палантин? Идеально сочетается с черным кружевом. – Она раскидывает на прилавке розовый тюль, расшитый громадными белыми звездами. Анита украдкой косится на меня, я незаметно качаю головой.

– Нет, спасибо! – решительно отказывается Анита. Рона с подозрением оглядывается, но я стою с невинной улыбкой.

– Пойду поищу Гейл. До скорой встречи, Рона! Анита, удачи на выпускном!

Я удаляюсь вместе с Дэнни, в порыве чувств обнимая его за плечи.

– Спасибо, что прилетел. Ты просто герой!

– Знаю, – самодовольно кивает он.

– Как я буду по тебе скучать, когда ты уедешь в Гренландию! Ты не мог куда-нибудь поближе отправиться?

– С палаткой в горы? – презрительно фыркает Дэнни. – Постоять денек без ночевки?

– Почему нет? Мы все равно тебя спонсировали бы...

– Бекки, ты не понимаешь. – Дэнни серьезнеет. – Мне это нужно. Я должен преодолеть себя, выложиться до предела. У меня великолепный инструктор, Дидерик, он сам ходил в гренландскую экспедицию. Он говорит, это совершенно мистический опыт. Мистический!

– Ну да. Мистический, – пожимаю я плечами.

– Кто это все покупает? – Дэнни, кажется, только теперь заметил стойки с одеждой.

– Э-э... много кто. Модные, стильные... м-м, любящие шик...

– Шик? – Дэнни смотрит на меня в притворном ужасе. – Шик?!

– Тс-с-с! Моя начальница!

Мы входим в отдел персонального шопинга, где меня должна встретить Гейл – она уже там, беспокойно озирается. Наверное, записала меня в пропавшие без вести. Гейл где-то за сорок, она очень милая – даже красивая, только волосы, пожалуй, длинноваты, – и мне действительно хочется с ней работать.

– Здравствуйте! – машу я рукой.

– Ребекка. – Она выдыхает облегченно. – Я уже собралась вам звонить. Мне так неловко. Простите, пожалуйста, очень нехорошо вышло...

Сейчас она скажет, что Дэнни до сих пор не прислал рекомендацию.

– Нет-нет, все в порядке, – поспешно уверяю я. – Он здесь! Дэнни, это Гейл, моя начальница. – Я подталкиваю его локтем. – Можешь начинать.

– Простите? – Гейл смотрит на нас в замешательстве.

– Это Дэнни Ковитц. Прилетел специально ради моей рекомендации. Давай, Дэнни! – Я киваю, и Дэнни набирает воздуха в грудь.

– Меня зовут Дэнни Ковитц – да, тот самый, спасибо! – и я прибыл, чтобы рекомендовать Ребекку Брендон в качестве непревзойденного персонального закупщика. Из чудовища она сделает принца. Из Золушки – принцессу. Из... – Запнувшись, Дэнни вытаскивает листок бумаги и сверяется с текстом. – Да! Любой провал она превращает в триумф. Не только модный триумф – жизненный триумф. – Он делает шаг к совершенно ошарашенной Гейл. – Вам не обойтись без Ребекки. Когда ее попытались уволить на прошлом месте, магазин чуть не остался без покупателей. Да, Бекки?

– Ну-у... – Я смущенно пожимаю плечами. Мне слегка тревожно. Такой лавины комплиментов я от Дэнни не ожидала.

– Вероятно, до вас доходили странные слухи о Ребекке. – Дэнни переворачивает страницу. – Да, как-то раз она и вправду умышленно заковала клиентку в платье. Но у нее имелись на то все основания. – Он в сердцах ударяет по листу. – Да, она действительно маскировала доставляемые на дом вещи под бытовую химию. Но она делала это ради клиентов. Да, она назначила два свадебных торжества на один день и никому не сказала, даже своему жениху... – Он вчитывается в неразборчивые строки.

– Дэнни, хватит! – вполголоса бормочу я. К чему все это припоминать?

– Почему она так поступила, не знаю, – констатирует Дэнни. – Этот пункт опустим. Главное, что Ребекка – истинное сокровище для любого отдела персонального шопинга, и любой магазин почтет за честь зачислить ее в штат. Спасибо! – с учтивым кивком заканчивает он. – Я с радостью отвечу на любые вопросы, кроме касающихся моей личной жизни, программы ухода за собой и тяжбы с моим бывшим представителем. На этот счет у меня имеется «ЧаВо». – Порывшись в другом кармане, он разворачивает три листка цвета лайма, озаглавленные «История Дэнни Ковитца», и вручает их Гейл.

– Ребекка... – в ступоре бормочет та.

– Я не собиралась делать две свадьбы, – оправдываюсь я. – Оно само собой так вышло.

– Нет-нет, дело совсем не в этом. Просто... Ох, какой кошмар. – Гейл зажмуривается. – Катастрофа.

– Где катастрофа? – У меня появляется нехорошее предчувствие.

– Ребекка... – Гейл наконец смотрит мне в глаза. – Мы не можем вас взять.

– Что?

– Мне только что звонил руководитель отдела. Он сделал кое-какие подсчеты, и нас, видимо, ждут сокращения. – Гейл смущенно ежится. – Боюсь, брать персонального закупщика на замену декретнице для нас сейчас непозволительная роскошь. Придется обойтись одной Роной. Я бы с радостью вас взяла, честное слово. – Она переводит взгляд с меня на Дэнни. – Но у нас... все так сложно.

– Ничего, – дрогнувшим от такого неожиданного поворота голосом говорю я. – Я понимаю.

– Простите. Я не сомневаюсь, что вы бы стали украшением нашего отдела.

Вид у нее такой несчастный, что я невольно проникаюсь сочувствием. Паршивое занятие – увольнять сотрудников.

– Что поделать, такова жизнь, – нарочито бодро утешаю я. – Спасибо за предоставленную возможность. Может, мне еще удастся у вас поработать, когда все наладится!

– Может быть. Спасибо за понимание. Извините, пойду еще нескольких человек огорчу. – Она пожимает мне руку и уходит.

Мы с Дэнни озадаченно смотрим друг на друга.

– Облом, – наконец произносит Дэнни.

– Да уж, – тяжело вздыхаю я. – Но за рекомендацию спасибо. Давай я тебя хоть обедом угощу?

Два часа, что проходят до отъезда Дэнни в аэропорт, мы отрываемся по полной. Сперва ранний обед с коктейлями, потом прогулка по магазинам за солнцезащитным кремом, и все это время мы хохочем так, что у меня живот начинает болеть. Но едва проводив взглядом такси, увозящее Дэнни по Беверли-бульвару, я чувствую, как тяжелеет на сердце от досады. Работы не будет. А я так на нее рассчитывала. Не ради занятости, не ради денег – просто чтобы не сидеть дома. Чтобы с кем-то общаться.

Ладно. Ничего страшного. Что-нибудь придумаю. В Лос-Анджелесе столько магазинов, наверняка где-то есть вакансии. Нужно продолжать поиски, держать руку на пульсе, смотреть в оба...

– Эй, леди! Осторожнее!

Ой. Задумалась о том, что нужно смотреть в оба, и не заметила огромный кран, раскорячившийся прямо посреди тротуара. Человек в наушниках с микрофоном направляет всех в обход, а чуть дальше явно происходит какая-то возня. Я подхожу поближе. Блики, прожекторы на стойках... Ого! Операторская тележка! Что-то снимают!

Мне нужно возвращаться в гостиницу и готовиться к Десятимильному забегу, но не могу же я просто взять и уйти. Хотя я и не первый раз в Лос-Анджелесе, на съемки я пока не попадала. И я как на крыльях лечу на свет софитов.

Часть улицы огорожена металлическими барьерами, парень в джинсовой куртке и в гарнитуре с наушниками вежливо выпроваживает прохожих на противоположный тротуар. Я неохотно повинуюсь, не сводя глаз с происходящего за барьерами. Двое мужчин в джинсах восседают в режиссерских креслах, какой-то здоровяк ворочает камеру, пара девушек в наушниках с деловым видом суетятся на площадке. Меня пронзает зависть. Как же это круто – участвовать в съемках... Я за всю жизнь снималась только раз, в телепередаче, давала советы по инвестиции пенсий. (Когда-то я была финансовым журналистом. И весь рабочий день обсуждала банковские счета. Мне до сих пор порой снятся тревожные сны, будто я снова устроилась на эту должность, меня пригласили на передачу, а я не помню, что такое процентная ставка.)

Чуть в стороне от остальных на площадке стоит женщина – судя по стройной фигуре и яркому макияжу, актриса. Лицо, впрочем, незнакомое. Я уже собираюсь снять ее на телефон и отправить снимок Съюз с подписью «Кто это?» – но тут к ней подходит другая женщина, постарше, в джинсах и черной куртке. Из-под бордовой кепки с козырьком льются длинные косы, на ногах крутейшие сапоги на каблуке.

Остальные зеваки показывают друг другу на актрису, однако мой взгляд прикован к женщине с косами. Я ее знаю. Я читала ее интервью. Это стилистка Ненита Дитц. В руках у нее прозрачный пакет с полосатым, явно винтажным пальто, которое она осторожно достает и надевает на актрису. Потом, окинув результат критическим взглядом и что-то поправив,

добавляет бусы. Я смотрю во все глаза, и мысли мои принимают совершенно новый оборот. Вот бы мне такую работу! Участвовать в съемках, подбирать костюмы для актеров и наряжать звезд... Пора оставить персональный шопинг в прошлом и метить выше! Это ведь как раз по мне. Я люблю вещи, люблю кино, я переезжаю в Лос-Анджелес... Как я раньше не додумалась?

Ненита Дитц тем временем по очереди примеряет актрисе разные солнечные очки. Я завороченно ловлю каждое ее движение. Она потрясающая! Это она придумала надевать сапоги с вечерними платьями. А сейчас она запускает собственную линию нижнего белья. Я всегда мечтала создавать нижнее белье!

Но как же мне прорваться в эту сферу? Как становятся именитыми голливудскими стилистами? Или хотя бы заурядными голливудскими стилистами? Как к ним подступиться? Я здесь пока никого не знаю, у меня ни работы, ни съемочного опыта...

С противоположного тротуара доносится: «Тишина на площадке!», потом «Камера!», потом «ПРОШУ ТИШИНЫ!» Я восхищенно смотрю, как актриса скрещивает руки на груди и поднимает голову. «Снято!»

Снято? Это все?

И снова на площадке начинается суeta, а я ищу глазами Нениту Дитц, но не нахожу. На меня напирают сзади. В конце концов я заставляю себя уйти, однако в голове уже крутятся калейдоскоп мысленных картинок. Темный кинозал. Мое имя на экране белыми буквами.

ГАРДЕРОБ МИСС ХЭТЭУЭЙ СФОРМИРОВАН
ЛИЧНО РЕБЕККОЙ БРЕНДОН.
КОСТЮМЫ МИСТЕРА ПИТТА ПОДОБРАНЫ
РЕБЕККОЙ БРЕНДОН.
ВЕЧЕРНИЕ ПЛАТЬЯ МИСС СЕЙМУР
ПРЕДЛОЖЕНЫ РЕБЕККОЙ БРЕНДОН.

И тут у меня наконец щелкает. Сейдж Сеймур. Конечно! Вот оно решение. Вот он ключ. Вот кто откроет мне двери.

Кофейня «Фреш-бин»
1764 Беверли-бульвар
Лос-Анджелес, СА 90210
ЗАМЕТКИ И МЫСЛИ

Тренды, которым можно положить начало:

- платья из шотландки с кислотными аксессуарами из ПВХ;
- пальто из искусственного меха, перехваченные тремя разными ремнями (Да! Фирменный образ!);
- розовые волосы и потертый обтрепанный полосатый пиджак;
- цеплять броши со стразами на резиновые сапоги;
- гетры для рук из обрезанных джинсовых штанин;
- носить по две дизайнерские сумочки одновременно (Да! Сейчас же и начну!);
- джинсы под тюлевую юбку в пол;
- непарные туфли для придания загадочного, слегка сумасбродного вида (или рискую загреметь в психушку??);
- букетик из свежих орхидей за поясом в качестве бутоньерки;
- браслет из свежих орхидей;
- NB: Купить орхидеи.

Глава 4

В три часа дня, стоя в толпе бегунов, я расписываю в уме план своей будущей карьеры. Главное – встретиться с Сейдж Сеймур, завязать разговор о вещах, предложить стилистическую консультацию перед очередным появлением на публике – и все, дело в шляпе. Связи – это пропуск, а какой пропуск может быть лучше Сейдж Сеймур? И когда лучше знакомиться с ней, как не сейчас? Я ведь в ее команде! У меня имеется прекрасный повод начать беседу, а уж увести разговор в сторону тенденций на красной дорожке, пока мы будем бежать плечом к плечу, мне труда не составит. Сейдж что-то не показывается; я шарю глазами в толпе и готовлюсь взяться за дело, как только ее увижу.

По сигналу колокола бегуны подвигаются ближе к старту. Выпитые на пару с Дэнни коктейли дают о себе знать, и у меня закрадывается подозрение, что последний «Рассвет в Малибу» был лишним... Ну да ладно. Подожду всплеска эндорфинов.

Вообще, этот Десятимильный забег – зрелище впечатляющее. Трасса начинается на стадионе «Доджер», проходит по бульвару Сансет и по Голливудскому бульвару. Как сказано в приветственном буклете, «на маршруте встречается немало голливудских достопримечательностей» – и это просто чудесно, буду любоваться видами на бегу! Я уже зарегистрировалась – народу тут просто тьма, я такого и представить не могла. Куда ни посмотри, везде бегуны – разминаются, разогреваются и покрепче завязывают шнурки. Из динамиков гремит музыка, сквозь облака пробивается солнце, в воздухе витает запах солнцезащитного крема. И я – полноправная участница этой феерии! Я стою в первой группе, шагах в десяти от огромной металлической арки, обозначающей старт, на груди у меня номер «сто восемьдесят четыре», а в кроссовке специальный чип. Но самое замечательное – это потрясающая командная бейсболка, дожидавшаяся меня в отеле. Ярко-бирюзовая, с белой надписью «КОМАНДА СЕЙДЖ». Чувствую себя олимпийской спортсменкой!

Я в очередной раз обвожу взглядом толпу, выискивая такие же бирюзовые бейсболки с «КОМАНДОЙ СЕЙДЖ», но в тесноте почти ничего не разглядеть. Ничего, где-то же она должна быть. Найду, когда побежим.

Нагибаясь к ноге, я невольно перехватываю взгляд разминающейся рядом жилистой темнокожей девушки. При виде моей бейсболки глаза ее расширяются.

– Вы в команде Сейдж Сеймур?

– Да, – небрежно бросаю я. – Я с Сейдж. Будем бежать рядом, болтать и... ну всякое такое.

– Ух ты! Вы, наверное, профи. И какое время рассчитываете показать?

– Ну... – Я откашливаюсь. – Наверное, что-то около...

Понятия не имею. Десять миль. За сколько я пробегу десять миль? Я и одну-то милю не знаю, за сколько пробегу.

– Надеюсь побить личный рекорд, – наконец отвечаю я.

– Понятно. – Девушка поочередно тянет руки за голову. – А какая у вас стратегия на забег?

Найти Сейдж Сеймур, поговорить об одежде, выманить приглашение в гости.

– Просто... бежать, – пожимаю я плечами. – До конца. Ну, вы понимаете. Как можно быстрее.

Девушка смотрит на меня в замешательстве, потом заливается смехом.

– А вы юмористка!

Бегуны теснятся еще плотнее. Их тут, наверное, не меньше тысячи, толчее ни конца ни края. Я пружиню на носках в своих новеньких высокотехнологичных кроссовках, и меня, несмотря на недосып после перелета, охватывает ликование. Я здесь! Я бегу знаменитый

лос-анджелесский марафон! Еще одно доказательство, что при желании возможно все. Я уже собираюсь сфотографироваться и послать снимок Съюз, но телефон вдруг звонит у меня в руках. Это мама. Она всегда звонит на ночь – сообщить, что Минни уложили и все в порядке.

– Привет! – радостно восклицаю я. – Угадай, где я сейчас?

– На красной дорожке! – оживляется мама.

Мама в каждом нашем разговоре спрашивает, попала ли я на красную дорожку. А я, признаться честно, не то что не попала, я пока ни одной в глаза не видела. Мало того, в прошлый наш прилет у Люка было приглашение на премьеру – и мы туда не просто не пошли, он мне вообще ничего не сказал, пока не стало поздно куда-то собираться. На премьеру!

Поэтому я и не обольщаюсь, что Люк поможет мне пробиться. У него совершенно иной взгляд на Лос-Анджелес. Сплошные совещания и невозможность расстаться с «Блэкберри» ни на секунду – то есть, как обычно, работа, работа, работа. Он считает, что в Лос-Анджелесе подходящий для него режим труда. Режим. Труд. Кто едет в Лос-Анджелес за режимом?!

– Нет, я бегу благотворительный марафон. С Сейдж!

– Ты с Сейдж Сеймур? – ахает мама. – Ого!

– Ну, прямо сейчас ее рядом нет, – признаюсь я. – Но я ее догоню во время забега. Зато у меня есть командная бейсболка!

– Детка моя!

– Вот. Я сфотографирую. Покажем Минни. Как она там? Спит?

– Да, все хорошо, – отмахивается мама. – Седьмой сон видит. Так кого ты еще встречала? Из знаменитостей?

«Лоис Келлертон», – тут же мелькает у меня.

Нет. Даже не думай. Маму я люблю, но стоит ей что-нибудь узнать, и через наносекунду в курсе будет весь Окшотт.

– В забеге участвует много известных людей, – уклончиво отвечаю я. – По-моему, только что мелькнул парень из «Отчаянных домохозяек».

А что, вполне мог быть и он – или другой, мама все равно не проверит.

Ревет клаксон. Боже. Сигнал к началу?

– Мам, все, мне пора, – поспешно прощаюсь я. – Созвонимся. Пока!

Да, это начало забега. Мы стартовали. Мы бежим. Я тоже бегу! Вокруг мельтешение рук и ног, бегуны рассредоточиваются, и я, пытаясь, стараюсь не отстать.

Ничего себе они рванули...

Ладно, не страшно. Я тоже могу рвануть. Я держусь наравне с основной массой. В груди уже печет, но это неважно, потому что вот-вот должны выплеснуться эндорфины.

Самое главное сейчас не это. Где Сейдж?

Толпа потихоньку растягивается и редет, можно посмотреть, кто бежит рядом. Я лихо-радожно выискиваю взглядом бирюзовую бейсболку... Где же? Я не могла ее проворонить...

Вон она! Адреналин брызжет фонтаном. Конечно, она в первых рядах, где же еще! Так, пора делать рывок. Подбегу к ней как ни в чем не бывало, продемонстрирую бейсболку, скажу: «Ой, мы, оказывается, в одной команде». И вот оно, начало крепкой дружбы.

Я никогда не стремилась бить рекорды, но сейчас я несусь вперед, будто на реактивной тяге. Я обгоняю ту жилистую темнокожую девушку! Я – ракета! Внутри все поет от восторга! Однако бирюзовая бейсболка по-прежнему маячит где-то впереди, словно дразнится, и я прибавляю скорость. Каким-то чудом мне удастся с ней поравняться. Лицо горит, сердце колотится, но я все же показываю на свой головной убор и выдыхаю: «Кажется, мы в одной команде!»

Бирюзовая бейсболка оборачивается... Это не Сейдж Сеймур! Какая-то остроносая шатенка, которая смотрит на меня в недоумении и припускает вперед. И бейсболка у нее

даже не командная, просто бирюзовая, без надписи. В замешательстве я останавливаюсь как вкопанная, и меня чуть не сбивают с ног бегущие сзади.

– Черт!

– Дорогу!

– Сто восемьдесят четвертый, совсем обалдели?

Я поспешно отодвигаюсь в сторону и пытаюсь отдышаться. Ладно, я обозналась, это не Сейдж. Ну и что? Все равно она где-то здесь. Надо просто выловить еще одну бирюзовую... бирюзовую... Да! Вон она!

На свежей волне адреналина я снова кидаюсь в бой и бегу догонять другую бирюзовую бейсболку. Но даже не успев приблизиться, вижу, что это опять не Сейдж. И даже не девушка. Какой-то поджарый итальянистый парень.

Черт. Запыхавшись, я подбегаю к столику с водой и жадно пью, шаря глазами по толпе бегунов. Я не собираюсь сдаваться. Подумаешь, пара промашек. Ничего. Я ее отыщу. Обязательно. Стоп, что там за бирюзовая искорка вдалеке? Наверняка она...

Час спустя я чувствую себя словно в параллельной вселенной. Это что, «Сумеречная зона»? Больше похоже на ад. Легкие сдуваются и раздуваются, как помпа, по лицу течет пот, на обеих ногах волдыри, я хочу умереть... но все равно бегу. Меня словно несет вперед какая-то волшебная сила. В толпе по-прежнему то тут, то там мелькают бирюзовые бейсболки. Я кидаюсь их догонять. К одной блондинке я подбегала уже четыре раза. Но Сейдж мне так и не попалась. Где же она? Где? И где эти чертовы эндорфины? Я уже сто лет бегу, хоть бы они уже выплеснулись. Все это враки. И про голливудские достопримечательности тоже. Ни одной не заметила. Боже, пить, срочно! Я сворачиваю к ближайшему питьевому пункту, обрамленному гирляндой воздушных шаров. Хватаю бумажный стаканчик, выливаю на голову, а второй выпиваю залпом и с завистью кошусь на резво скачущих девочек-чирлидеров в красных костюмчиках. Откуда у них столько энергии? Может, у них пружины в кроссовках? Или блестящие помпоны дают дополнительный заряд?

– Бекки! Я здесь! Как ты?

Я выпрямляюсь, едва дыша, и сквозь туман в глазах ищу, кто меня звал. За барьером стоит Люк с флагом Десятимильного забега в руках.

– У тебя все нормально? – спрашивает он встревоженно.

– Да, – хриплю я, ковыляя к нему. – Все хорошо.

– Пришел вот поболеть за тебя. Ты показываешь поразительно хорошее время. Я и не догадывался, что ты в такой форме!

– Ну... – Я утираю пот со лба. – Да.

О времени я вообще не думала. Весь забег только и делала, что гонялась за бирюзовыми бейсболками.

– Получила мое сообщение?

– А?

– Что Сейдж выбыла.

Я моргаю. В ушах шумит и рокочет. Что он сказал?

– Просила извиниться перед участниками, – продолжает Люк.

– То есть... она не бежит? – выдавливаю я. – Совсем?

И я напрасно кидалась на все эти бирюзовые бейсболки?

– Ее пригласили слетать в Мексику с компанией друзей. Сейчас она в самолете со своей командой.

– То есть выбыли все? – Я уже ничего не понимаю. – А как же тренировки? Сборы в Аризоне?

– Сборы, думаю, были. Но тут закон стаи, – морщится Люк. – Если Сейдж сказала: «Летим в Мексику», все летят в Мексику. Бекки, мне жаль. Тебе, наверное, обидно. – Он кладет руку на мое плечо. – Я знаю, что ты участвовала только ради встречи с Сейдж.

Меня задевает его сочувствие. Он действительно так считает? Нет, это, конечно, правда, но он-то не должен так думать. Мужья должны быть лучшего мнения о своих женах – просто из принципа.

– Вовсе не «ради встречи с Сейдж» я участвовала! – Я оскорбленно вскидываю голову. – Я участвовала из любви к спорту и ради благотворительности. Я даже не задумывалась, бежит ли сама Сейдж.

– Что ж, тогда bravo! – В глазах Люка пляшут смешливые искорки. – Совсем чуть-чуть осталось.

У меня обрывается сердце. Забег не закончен. Боже мой. Я больше не могу. Я просто не выдержу.

– Всего четыре мили, – сообщает он, сверившись с картой. – Сама не заметишь как пробежишь.

Четыре мили? Целых четыре?

При взгляде на уходящую вдаль дистанцию у меня слабеют колени. Ступни болят. Мимо то и дело кто-то проносится, но мысль о том, что нужно возвращаться в строй, невыносима. Я посылаю испепеляющий взгляд вслед пропыхтевшему мимо парню в бирюзовой бейсболке. Век бы не видеть больше ничего бирюзового.

– Пожалуй, разомнусь сперва, – решаю я. – Мышцы остыли.

Я тяну стопу к ягодице, очень медленно считаю до ста, потом проделываю то же самое с другой стопой. А потом просто свешиваю голову между расставленными коленями. М-м-м. Как же хорошо. Так и останусь.

– Бекки? – доносится до меня голос Люка. – Милая, у тебя все нормально?

– Без растяжки дальше нельзя, – сообщаю я. Разогнувшись, я тяну трицепсы, потом пробую несколько поз из йоги, подсмотренных у Сьюз. – А теперь нужно восстановить водный баланс. Это важно.

Я медленно, по глотку, пью из бумажного стаканчика, потом наполняю другой и передаю его пробегающему мимо участнику. Что зря стоять? Наливаю еще несколько порций, выравниваю стопку энергетических батончиков. Подбираю россыпь оберток и кидаю в урну. Привязываю покрепче парочку норовящих отцепиться воздушных шаров и поправляю транспаранты. Вот, хоть порядок наведу, пока я тут.

Дежурный на питьевом пункте смотрит на меня как на чокнутую.

– Что вы делаете? Бежать не собираетесь?

Его-то что не устраивает? Лучше бы спасибо сказал за помощь.

– У меня перерыв на растяжку, – объясняю я и натываюсь на любопытствующий взгляд Люка.

– По-моему, ты уже достаточно растянулась. Вернешься на дистанцию?

Нет, правда. Что они все на меня давят?

– Сейчас, вот только... – Я переплетаю и вытягиваю пальцы. – М-м-м. Как все затекло.

– Леди, вы так от всех отстанете. – Дежурный кивком показывает на трассу. – Это уже последние.

И действительно, толпа совсем поредела, остались только едва плетущиеся одиночки. Зрители тоже перебираются вперед. И атмосфера уже не та. Дальше откладывать нельзя.

– Ладно, – бодрюсь я. – Сейчас быстренько пробегу оставшиеся четыре мили. Это недолго. Ну что... – Я набираю побольше воздуха в легкие. – Я побежала?

– А может... – начинает Люк.

– Что? – резко оборачиваюсь я.

– Да так, мимолетная мысль. Бекки, если ты не возражаешь перейти на мой темп, может, мы просто дошагаем дистанцию? Вместе?

– Дошагаем?

Люк тянется через металлический барьер и берет меня за руку. Вокруг уже почти никого, мы одни. Позади рабочие снимают ограждение и специальными пиками собирают мусор.

– Когда еще нам выпадет возможность прогуляться по Лос-Анджелесу? А сейчас вся улица, можно сказать, наша.

Я с трудом сдерживаю облегченный вздох.

– Ладно... – сдаюсь я неохотно. – Можно и шагом. Хотя я бы, конечно, предпочла добежать.

– Конечно. – Люк усмехается лукаво, но я не обращаю внимания. – Пойдем?

Мы шагаем по улице, переступая через бумажные стаканчики и обертки. Крепко сжав ладонь Люка, я сплетаюсь с ним пальцами, и он в ответ пожимает мои.

– Вот сюда. – Люк тянет меня куда-то в сторону, с проезжей части на тротуар. То есть обочину. Пора привыкать к американским названиям. – Знаешь, где мы?

– Голливуд? Лос-Анджелес? – Я кошусь на него подозрительно. – Вопрос с подвохом?

Люк, не ответив, кивком показывает на тро... обочину. И тут до меня доходит.

– Ого! Боже мой!

– Да-да.

Под ногами у нас звезды. Это голливудская Аллея Славы, которую я миллион раз видела на экране – и никогда вблизи. Люк словно раскинул ее здесь специально для меня, мерцающую и розовеющую.

– Эдвард Арнольд! – с благоговением читаю я первое же попавшееся имя. – Ух ты! Это же... Э-э...

– Понятия не имею, – качает головой Люк. – Но явная знаменитость.

– Явная, – хихикаю я. – А Ред Фоли кто такой?

– Вон там Бетт Девис, – кивает Люк на другую звезду. – Ее ты знаешь?

– О-о-о! Бетт Девис! Где, покажи!

Я бегаю туда-сюда по аллее, выискивая знаменитые фамилии. Первое за все наши приезды настоящее голливудское занятие – и мне все равно, что мы выглядим как банальные туристы.

Наконец мы продолжаем путь, то и дело подмечая очередное известное имя.

– Жаль, что не повезло с «Далавеар». – Люк сочувственно сжимает мою ладонь.

– Спасибо. Но, ты знаешь, по здравом размышлении, может, оно и к лучшему. Боб Хоуп! – показываю я на розовую звезду.

– Я тоже думаю, что к лучшему! – неожиданно оживляется Люк. – Не хотел отговаривать раньше, но зачем тебе погружаться в работу, если мы здесь ненадолго? Тут столько всего интересного. Можно проводить побольше времени на свежем воздухе с Минни. Прогулки в горы, пляж...

Вот в этом весь Люк. То рабочий режим, то прогулки по пляжу... О чем он говорит? Я не за свежим воздухом в Лос-Анджелес приехала, а за знаменитостями, солнечными очками, красными дорожками...

– Нет, я не то имела в виду. У меня идея получше. Я стану голливудским стилистом!

Реакция Люка меня обескураживает. Конечно, никаких: «Ура! Давай-давай!» я от него не ожидала, но и на такое не настраивалась. Брови его взлетают вверх и сходятся у переносицы. Уголки рта ползут вниз. За время семейной жизни я выучила все выражения лица Люка наизусть, так что безошибочно опознаю номер три: «Как намекнуть Бекки, что затея

не фонтан?» Точно с таким же выражением лица он встретил мою идею покрасить спальню в фиолетовый. (Я по-прежнему считаю, что было бы сексуально.)

– Что? Что такое?

– Мысль хорошая... – осторожно начинает он.

– Не надо, – обрываю я нетерпеливо. – Говори начистоту.

– Бекки, ты же знаешь, что в консультантах у Сейдж я временно. Если все получится, может быть, мы откроем здесь филиал «Брендон коммьюникейшнс», и я буду летать туда-обратно. Но переезжать насовсем мы вроде не собирались.

– И?

– И как же нам быть, если ты здесь зацепишься и построишь блестящую карьеру?

– Не знаю, – отмахиваюсь я. – Разберемся.

Так всегда. Вечно Люк своими приземленными доводами подрезает крылья творческому вдохновению.

– Тебе придется сильно попотеть, – продолжает он. – Обивать пороги, получать отказы...

– Считаешь, я ничего не добьюсь?

– Милая, когда тебе надо, ты горы свернешь, – признает Люк. – Но пробиться в голливудские стилисты за три месяца – это, прямо скажем, та еще задача. Хотя если ты и вправду хочешь...

– Я не просто хочу, я буду!

Люк вздыхает.

– Тогда я, разумеется, помогу. Постараюсь раздобыть нужные контакты, посмотрю, какие связи можно поднять...

– Спасибо, сама справлюсь!

– Бекки, не глупи.

– Что здесь глупого? – закипаю я. – Я не хочу, чтобы муж водил меня за ручку. Я самостоятельная женщина, к твоему сведению.

– Но...

– Думаешь, я не смогу пробиться в Голливуде без посторонней помощи? Вот посмотришь! Кэтрин Хепберн, – показываю я на звезду.

Какое-то время мы шагаем молча, даже фамилии актеров не зачитывая, и бурлящее возмущение постепенно утихает. Вообще-то помощь Люка мне бы пригодилась. Очень даже пригодилась бы. Но уже поздно. Слово не воробей. Придется и в самом деле пробиваться самой – пусть видит.

Мысли закипают. Главный мой пропуск в Голливуд – все та же Сейдж. Скоро познакомимся. А пока можно сочинить для нее несколько нарядов. И даже купить пару аксессуаров, как положено персональному стилисту. Да! Замечательно! А если не получится через Сейдж... что ж, на ней свет клином не сошелся.

– Спасибо, Люк, у меня имеются собственные знакомства, – с достоинством отвечаю я. – Я, если ты не забыл, в «Барниз» работала. Связи у меня есть. И даже, наверное, покруче твоих.

Это, между прочим, правда! В «Барниз» моя записная книжка пополнилась массой голливудских имен. По крайней мере три продюсера, музыкальный консультант и режиссер кастинга. Напомню о себе, кто-нибудь обязательно замолвит за меня словечко, и тогда...

Ой, надо же, Лесси!

От кого: Лэрд, Ник

Кому: Брендон, Ребекка

Тема: Re: Привет, Мелани, как дела?!

Дорогая миссис Брендон!

Отвечаю на Ваше письмо, адресованное Мелани Янг. Уверен, что у Мелани остались самые приятные впечатления от Ваших консультаций в «Барниз», и рад, что Вы до сих пор помните, «как потрясающе она выглядела в той юбке-карандаше Москино».

К сожалению, Мелани недавно оставила продюсерскую деятельность, переселилась в арканзасскую коммуну и в прощальной речи просила «слово «кино» при ней больше не упоминать». В связи с этим она вряд ли сможет раскрутить Вас как звездного стилиста или познакомить с Сарой Джессикой Паркер.

Желаю Вам всяческих успехов во всех голливудских начинаниях.

Ник Лэрд,

руководитель отдела развития «Эй-Би-Джи Пикчерс»

От кого: Квинн, Сэнди

Кому: Брендон, Ребекка

Тема: Re: Привет, Розалин, как дела?!

Дорогая миссис Брендон!

Отвечаю Вам как психотерапевт Розалин Дюфуа. Розалин прекрасно помнит Ваши консультации в «Барниз» и не забыла тот «сказочно стройнящий брючный костюм», который Вы подобрали ей для свадьбы сестры.

К сожалению, во время произнесения тоста на той свадьбе ее муж признался в своей нетрадиционной ориентации. С тех пор Розалин – возможно, незаслуженно – винит в его переключении на представителей собственного пола свой «андрогинный стиль» и в данный момент работает над автобиографией под названием «Платье надо было надевать, дура!» Поскольку раны еще свежи, она предпочла бы с Вами сейчас не встречаться.

Тем не менее желаю всяческих успехов в Голливуде.

С наилучшими пожеланиями,

Сэнди Квинн, директор клиники

супружеской терапии Квинна

Глава 5

Ну почему эти голливудцы такие ненадежные?

Едва вернувшись в Британию, я подняла все старые связи и разослала кучу электронных писем. И что в итоге? Ничего. Ни делового обеда, ни встречи, ни телефонного номера. Все мои бывшие подопечные из киноиндустрии либо сменили сферу деятельности, либо лечат нервный срыв, либо еще куда-то пропали. Последней в моем списке значилась Дженна Дуглас – обладательница обширной коллекции платьев с открытой спиной. Не получив ответа и от нее, я обратилась к «Гуглу». Выяснилось, что Дженна ушла из «Юниверсал» почти год назад и открыла салон красоты. Изобрела какую-то процедуру с электротоками и медом, дважды судилась с недовольными клиентами, но «активно ищет инвесторов». М-да. Не буду ее трогать.

Сплошное разочарование. Я-то думала, сейчас меня завалят ценными контактами. Буду бронировать столики в «Спаго», встречаться с продюсерами, а Люку бросать небрежно: «Ой, ты сегодня в «Парамаунт»? Там и увидимся».

Ну да ладно, у меня в запасе Сейдж. Подлинная, никуда не исчезающая звезда первой величины. И я, между прочим, не сиюю сложа руки. Я уже начала подбирать образы и, по моему, неплохо прониклась ее стилем. Вжилась в антураж.

– Вот, смотри. – Я расстилаю перед Сьюз на кровати голубой парчовый плащ. – Сказка, правда?

Сьюз – моя самая давняя подруга, и сейчас мы, как в старые времена, когда жили вместе в фулхемской квартире, валяемся у нее на кровати в Гэмпшире с журналами светской хроники. Только раньше мы валялись на пропахшем ароматическими палочками и местами прожженном сигаретами индийском покрывале, а сейчас – на массивной старинной кровати с шелковым балдахин, гобеленами и деревянными панелями, на которых, кажется, где-то вырезал свою подпись Карл Первый. Или Второй? Какой-то, в общем, из Карлов.

Сьюз – невероятная аристократка. Живет в поместье и со времен кончины отца своего свекра зовется леди Клиф-Стюарт (что, по-моему, страшно старит). Леди Клиф-Стюарт – это какая-то девятистолетняя карга, щелкает на всех хлыстом и вопит: «Что? Не слышу?» Сьюз я этого, конечно, не говорю. И потом, она как раз совершенно не такая. Она высокая, длинноногая, с длинными светлыми волосами, кончик которых она сейчас рассеянно грызет.

– Прелесть! – Она щупает плащ. – Просто потрясающе.

– Легкое летнее пальтишко, которое Сейдж может накинуть с джинсами. Как раз для Лос-Анджелеса. К нему можно балетки или те сапоги, которые я тебе показывала...

– Воротник чудесный. – Сьюз гладит потертый серый бархат.

– Именно! – с гордостью киваю я. – Нашла в каком-то крохотном магазинчике. Новая марка. Датская. А теперь глянь на эту юбку.

Я вытаскиваю микроскопическую джинсовую юбочку с оборкой из ленты, но Сьюз все еще в недоумении хмурится на плащ.

– Значит, ты купила его для Сейдж? И остальные вещи тоже?

– Конечно! В этом и состоит работа стилиста. Юбку я нашла в винтажном магазине в Санта-Монике. Все вещи художественно доработаны самой хозяйкой. Видишь, какие пуговицы?

Нет, похоже, не видит. Сьюз тянется за футболкой, которая идеально подойдет Сейдж, чтобы посидеть за чашечкой кофе с Дженнифер Гарнер, например.

– Бекс, ты не слишком сильно тратишься на все эти покупки?

– Покупки? – не верю я своим ушам. – Сьюз, это не покупки. Это инвестиции в карьеру. И, как правило, мне дают скидку. А иногда и вовсе предлагают бесплатно. Стоит только сказать, что это все для Сейдж Сеймур, – и вуаля!

При имени Сейдж продавцы впадают в эйфорию и готовы отдать тебе полмагазина.

– Но ты ведь не для Сейдж покупаешь, – ровным тоном говорит Сьюз.

Я смотрю на нее в замешательстве. Она меня совсем не слушает, что ли?

– Как это? Конечно, для Сейдж! Тут даже размер не мой!

– Она тебя не просила. Она тебя вообще не знает.

Я чувствую укол досады. Могла бы и не напоминать. Не моя вина, что муж у меня – бука и отказывается знакомить жену со звездными клиентами.

– Узнает, как только Люк меня ей представит, – терпеливо объясняю я. – Мы тут же разговоримся, я покажу ей подобранные наряды и стану ее персональным стилистом. Сьюз, я начинаю совершенно новую карьеру! К тому же, – поспешно добавляю я, видя, что у Сьюз еще какое-то возражение наготове, – выгода двойная, потому что сейчас ты это все наденешь, и я тебя сфотографирую для своего портфолио.

– О-о-о! – оживляется Сьюз. – Я буду твоей моделью?

– Именно.

– Здорово! – Сьюз с возросшим интересом тянется к плащу. – С него и начнем.

Она надевает плащ, я поправляю воротник. Сьюз у меня красавица и стройняшка, ей все идет, и я уже предвкушаю потрясающую галерею образов.

Меня невероятно вдохновляет вычитанная в Интернете история Нениты Дитц. Двадцать лет назад она приехала в Голливуд, не зная там никого. Но сумела пробраться на съемки «Дуновения любви», двинулась прямиком в кабинет главного художника по костюмам и стояла насмерть, пока тот не посмотрел ее портфолио. Портфолио произвело такое впечатление, что Нениту немедленно приняли на работу. А потом звезда фильма, Мэри-Джейн Чейни, наняла ее персональным стилистом, – и карьера Нениты пошла в гору.

Чем я хуже? Нужно просто сделать портфолио и как-то проникнуть на киностудию. Сьюз в парчовом плаще, берете и солнечных очках уже позирует перед зеркалом.

– Классно! – одобряю я. – Завтра сделаю тебе прическу и макияж, и устроим настоящую фотосессию.

Сьюз, вернувшись к кровати, начинает копаться в ворохе юбок.

– Эти тоже симпатичные. – Она прикладывает к себе одну и смотрит на этикетку. – О, так это Дэнни!

– Я позвонила в офис, и они прислали целую кипу. Все из новой коллекции. Представляешь, ассистент Сары Джессики Паркер просил устроить тайный предварительный показ! Дэнни мне сам сказал.

– Ого, Сара Джессика Паркер! Она в Лос-Анджелесе? Ты ее видела?

– Нет.

Сьюз вздыхает.

– А кого-нибудь известного встретила?

Этот вопрос мне не задал только ленивый. Мама, папа, наши соседи Дженис и Мартин, все до единого. Я уже устала отвечать: «Нет, никого не встретила». Хотя на самом-то деле встретила. Да, я обещала никому не говорить. Но Сьюз – моя лучшая подруга. Ей можно, это не считается.

– Сьюз... – полушепотом начинаю я. – Я тебе кое-что скажу, только ты никому ни слова, ладно? Даже Тарки. Никому. Серьезно.

– Хорошо, – широко распахнув глаза, кивает Сьюз. – Рассказывай!

– Я встретила Лоис Келлертон.

– Лоис Келлертон? – Сьюз резко выпрямляется. – Боже мой! И молчишь!

– Уже не молчу. Но я ее не просто встретила...

Сьюз – самая лучшая в мире собеседница. Слушая, как я поймала Лоис Келлертон на воровстве в магазине и как погналась за ней по улице, она то и дело ахает, зажимает рот рукой и восклицает: «Не может быть!»

– ...и я обещала никому не рассказывать, – заканчиваю я.

– Я не проболтаюсь, – заверяет Сьюз. – Да и потом, кому? Детям? Овцам? Тарки?

Мы прыскаем от смеха. Для Тарки само имя Лоис Келлертон – непонятный набор звуков.

– Все равно странно. – Сьюз морщит лоб. – Даже не верится. Зачем крупной кинозвезде красть носки?

– Я тебе еще не все рассказала. – Я лезу в карман. – Смотри, что меня ждало в отеле.

Мне самой по-прежнему с трудом верится. Случилось это в последний наш день в Лос-Анджелесе, когда я пробралась в вестибюль поговорить с глазу на глаз с администратором о счете за мини-бар. (Незачем Люку знать, сколько шоколадок я съела.) Консьерж при виде меня оживился: «О, миссис Брендон, тут для вас оставили».

Меня ждала элегантная белая коробочка, в которой обнаружилась маленькая серебряная шкатулка с гравировкой из двух слов: «Бекки, спасибо!» Ни записки, ничего. Но я сразу поняла, от кого это. Видимо, Лоис меня отыскала. Ну, то есть ее подручные.

Я показываю шкатулку Сьюз, и та заинтересованно вертит на ладони.

– Ух ты! Красивая.

– Да.

– Это, получается, вроде подкупа?

Подкупа?

– Никакой это не подкуп! – оскорбляюсь я.

– Нет-нет, – тут же идет на попятную Сьюз. – Прости, я хотела сказать...

– Это в знак благодарности. Видишь, тут написано «Спасибо».

– Да, правильно. Я это и подразумевала. Благодарность. – Сьюз горячо кивает, но слово «подкуп» уже не идет у меня из головы.

– А какая она, Лоис? – допытывается Сьюз. – Как выглядела? Что сказала?

– Очень худая, даже тощая. И замученная. Мы с ней, в общем-то, и не говорили толком.

– У нее сейчас тяжелый период. Какие-то сложности с последним фильмом. Миллионное превышение бюджета и слухи не самые хорошие. Она впервые решила выступить продюсером, но, видимо, замахнулась на непосильное.

– Правда?

– Да, – с видом знатока кивает Сьюз. – На студии говорят, что из-за своей стервозности она поссорилась почти со всей съемочной группой. Будешь тут исхудавшей и замученной.

Ничего себе осведомленность!

– Сьюз, откуда такие сведения? Опять смотрела Кэмберли по кабельному? – прищуриваюсь я с подозрением.

Самое популярное сейчас в Штатах ток-шоу. Все называют Кэмберли новой Опррой, каждый еженедельный выпуск прессы растаскивает на цитаты, поэтому в Англии его тоже показывают, по каналу «Е4». Пару недель назад Сьюз подвернула ногу и успела основательно подсесть на эту передачу, особенно на светские сплетни.

– Надо же мне чем-то утешаться, пока лучшая подруга в Лос-Анджелесе! – с неожиданной досадой говорит Сьюз. – Раз я не могу поехать туда сама, так хоть интервью послушаю. – Она тяжело вздыхает. – Ох, Бекс, даже не верится – ты в Голливуде, встречаешься со звездами, а я торчу тут. Ужасно завидую!

– Завидуешь? – моргаю я. – Ты – мне? Ты живешь во дворце! Это же сказка!

Ее муж, Таркин, аристократ еще похлеще Сьюз, после смерти деда унаследовал невероятное поместье, Летерби-Холл. Оно просто огромное. Сюда возят экскурсии, и у них тут есть ах-ах¹, и все такое прочее. (Если честно, я слабо представляю, что из всего этого ах-ах – может, затейливые завитушки на крыше?)

– Но здесь почти нет солнца, – вздыхает Сьюз. – И кинозвезд нет. Только бесконечные переговоры насчет реставрации лепнины восемнадцатого века. Я хочу в Голливуд! Я ведь всегда мечтала быть актрисой... Я играла Джульетту в театральной школе. И Бланш Дюбуа. А теперь что?

При всем уважении, «театральная школа» Сьюз далеко не Королевская академия театрального искусства. Скорее, такая, где с родителей дерут невероятные суммы, весенний семестр проходит на швейцарском горнолыжном курорте, а играть на сцене всем некогда, потому что вот-вот пора наследовать семейный бизнес. Но я все равно переживаю за Сьюз. Она, по-моему, не знает, куда себя деть в этих хоромах.

– Ну так приезжай! – загораюсь я. – Давай, Сьюз, приедешь в Лос-Анджелес! Развешься! Повеселимся.

– Ох... – На ее лице отражается вся гамма переживаний. (Нет, все-таки актриса из нее вышла бы хорошая.)

– Тарки тоже пусть едет, – заранее отмечаю я возражения. – И детей бери.

– Да, может быть, – нерешительно отвечает Сьюз. – Правда, на этот год у нас запланировано расширение бизнеса. Я говорила, что мы собираемся сдавать парк под свадьбы? И еще Тарки хочет построить лабиринт, и нужно ремонтировать чайные комнаты...

– Но каникулы-то ты себе можешь устроить!

– Не знаю... – Сьюз вся в сомнениях. – Ты же видела, как на него давят.

Я сочувственно киваю. Старину Тарки мне и вправду жаль. Когда вся остальная родня пристрастным оком следит, правильно ли ты содержишь доставшееся тебе поместье, наследство становится тяжелой ношей. Насколько я понимаю, каждый новоиспеченный лорд Клиф-Стюарт обогащал Летерби-Холл чем-то новым – пристраивал крыло, возводил часовню или разбивал французский парк.

Собственно, за этим мы здесь и собрались. Тарки запускает свое первое крупное детище. Оно называется «Прорыв» и являет собой фонтан. Это будет самый высокий фонтан во всем графстве, крупная туристическая достопримечательность. Идею Тарки вынашивал с десяти лет, начертив эскиз в учебнике латыни, и вот теперь претворяет ее в жизнь!

Сотни людей съезжаются посмотреть на запуск, с местного телевидения прибыли брать интервью, и все говорят, что фонтан станет визитной карточкой Летерби-Холла. Сьюз, по ее собственному признанию, не видела Тарки таким дерганным с детства – с национальных соревнований по выездке среди юниоров. В тот раз он запорол траверс (что явно нехорошо), и его отец, который только лошадьми и живет, чуть от него за это не отрекся. Так что будем надеяться, сейчас все пройдет гладко.

– Ладно, Тарки я уломаю, – решает Сьюз, спуская ноги с кровати. – Пойдем, Бекс. Уже пора.

Единственное неудобство такого поместья – пока доберешься от спальни до сада, полдня пройдет. Мы шагаем через Длинную галерею (старинные портреты по стенам), потом через Восточный зал (древние доспехи) и срезаем через величественный Главный зал. Остановившись посередине, мы вдыхаем чуть затхлый древесный аромат. Сьюз может жечь тут ароматические свечи хоть целыми сутками, запах старины из этих стен не выкуришь.

– Здорово получилось, да? – читает мои мысли Сьюз.

¹ Ах-ах (от *фр.* ha-ha) – в садово-парковом дизайне ров с подпорной стеной, служащий для зонирования или разграничения участков. (*Прим. пер.*).

– Потрясающе!

Это мы про вечеринку-сюрприз на день рождения Люка, которую устраивали вот здесь, в этом зале. Словно по сигналу мы обе поднимаем глаза к крошечному балкончику на втором ярусе, с которого тайком наблюдала за празднованием мать Люка, Элинора. Люк до сих пор не догадывается ни о ее тогдашнем присутствии, ни о том, что она спонсировала и помогала организовать праздник. Элинора взяла с меня клятву молчать, а мне хочется завопить во все горло от досады. Знал бы Люк, что без нее не было бы никакого праздника! Видел бы, сколько она для него сделала!

Взаимоотношения Люка с матерью – это не какое-то банальное «от симпатии к неприязни». Там «от обожания – к ненависти». «От преклонения – к отторжению». В данный момент мы застряли на отторжении, и ни одним моим словом Люка с этой мертвой точки не сдвинуть. Тогда как я сама, наоборот, поладила с Элинорой довольно неплохо, хоть она и снежная королева во плоти.

– Ты с ней виделась? – спрашивает Сьюз.

Я качаю головой.

– С тех пор ни разу.

Сьюз обеспокоенно обводит взглядом зал.

– А если просто сказать ему правду? – предлагает она внезапно.

Сьюз эта конспирация тоже не нравится, потому что Люк ошибочно полагает, будто расходы взяли на себя Клиф-Стюарты.

– Не могу. Я обещала. У нее пунктик насчет «не покупать любовь».

– Организация праздника – это вовсе не подкуп, – протестует Сьюз. – По-моему, она не права. Я думаю, ему было бы приятно. Глупость какая! Столько времени потеряно! Только подумать, вы ведь давно могли бы общаться без всяких прятков, да еще вместе с Минни...

– Минни по ней скучает, – признаю я. – Все время спрашивает: «Где леди?» Но если выяснится, что они с Элинорой знакомы, Люк взбесится.

– Родные... – качает головой Сьюз. – Иногда они просто невыносимы. Бедняга Тарки весь извелся из-за фонтана – потому что на запуске будет его отец. Я ему говорю: «Если твоему папе нечего сказать в одобрение, сидел бы в Шотландии». – Сьюз такая грозная, что я едва сдерживаю смех. – Все, бежим! – глянув на часы, спохватывается она. – Обратный отсчет уже начали. «Сад» у Сьюз – на самом деле громадный парк. С газонами, акрами фигурно подстриженных деревьев, знаменитым розарием и кучей редких растений, которые я ни в жизнь не запомню. (Надо наконец уже собраться на нормальную экскурсию.)

Мы спускаемся с большой, засыпанной гравием террасы. На газоне толпится народ, среди деревьев расставлены шезлонги. В динамиках играет музыка, вокруг лавируют официантки с бокалами вина, на электронной доске с обратным отсчетом светится «16:43». Перед особняком поблескивает прямоугольный пруд – именно там и должен свершиться «Прорыв». Я пока видела только макет. Струя выстреливает ввысь под самые облака и опадает изящной дугой. Потом покачивается взад-вперед и под конец рассыпает в воздухе мелкие капли. Очень здорово! А по вечерам будет еще подсветка.

Мы подходим к огороженной зоне для vip-гостей, где уже заняли главные места мои мама с папой и наши соседи, Дженис и Мартин.

– Бекки! – зовет мама. – Наконец-то!

– Бекки! Мы по тебе соскучились! – Дженис обнимает меня. – Как там Лос-Анджелес?

– Замечательно, спасибо!

– В самом деле? – Дженис недоверчиво цокает языком, подозревая, что я просто сохраняю хорошую мину при плохой игре. – А как же люди? Все эти пластиковые лица и макдаки?

– В смысле, «дакфейсы»?

– И наркотики, – бурчит Мартин.

– Вот-вот!

– Ты там осторожнее, Бекки, – продолжает он. – Не давай им засорить себе мозги.

– Самый несчастный город на свете, – поддакивает Дженис. – В газете написано.

Оба смотрят на меня сочувственно, будто меня ждет не Лос-Анджелес, а исправительная колония на Марсе.

– Да нет, чудесный город! – убеждаю я. – Ждем не дождемся переезда.

– Что ж, может, хотя бы с Джесс увидитесь, – пытается скрасить мрачную перспективу Дженис. – Далеко Чили от Лос-Анджелеса?

– Не очень, – отвечаю я авторитетно. – Район примерно один.

Джесс, моя сестра по отцу, замужем за сыном Дженис и Мартина Томом, и сейчас они в Чили, собираются усыновить ребенка. Бедняжка Дженис скучает, но вернутся они, насколько нам известно, не раньше, чем через год.

– Не слушай их, милая, – жизнерадостно откликается папа. – Лос-Анджелес – волшебный город. До сих пор помню блеск «кадиллаков». Шелест прибоя. И сандеи – мягкое мороженое. Обязательно попробуй, Бекки.

– Хорошо, – послушно киваю я. – Сандей попробую.

Папа колесил по Калифорнии целое лето перед свадьбой, так что его Лос-Анджелес остался где-то там, в 1972 году. Бесполезно объяснять, что сейчас уже никто не ест сандеи, все перешли на замороженный йогурт.

– Вообще-то, Бекки, у меня к тебе парочка просьб.

Мы отходим в сторонку, и я смотрю на папу вопросительно.

Он за последнее время как-то постарел. Морщин прибавилось, на шее торчат седые волоски. Хотя через калитки по-прежнему прыгает не хуже гимнаста. Сегодня утром показывал класс перед Минни на изгороди в усадебном поле. Мама кричала: «Грэм, стой! Покалечишься! Сломаешь лучезапястный сустав!» (Мама в последнее время подсела на передачу «Кабинет хирурга», возомнила себя профи и сыплет направо и налево всякими «нейтрофилами» и «липопротеинами» – даже за обсуждением меню на ужин.)

– Что за просьбы, пап?

– Во-первых, вот. – Он достает из нагрудного кармана бумажный пакетик, а из него – пожелтевший блокнот для автографов с «кадиллаком» на обложке и белой надписью «Калифорния» затейливым каллиграфическим шрифтом. – Помнишь?

– Конечно!

Папина книжка для автографов – семейная реликвия. Извлекается на свет каждое Рождество, и мы терпеливо слушаем про каждую подпись. В основном там автографы актеров из каких-то старых американских сериалов (нам даже названия ничего не говорят), но папа считает их знаменитостями, а это главное.

– Рональд «Роки» Вебстер. Гремел на всю страну. И Мария Поджес. – Папа ласково поглаживает страницу. – Ох, как она пела...

– Ага, – вежливо киваю я. В миллионный раз слышу от него эти имена, и все равно они для меня пустой звук.

– Марию Поджес заметил мой друг Кори – она сидела в гостиничном баре, – продолжает папа. – Наша первая ночевка в Лос-Анджелесе. Он рванул вместе со мной к стойке, хотел угостить Марию коктейлем. Она, разумеется, отказалась. Но очень мило с нами поболтала. И автограф оставила.

– Ух ты! Фантастика!

– Стало быть... – Папа зачем-то вручает мне раскрытый блокнот. – Теперь твоя очередь, Бекки. Вдохни в него новую жизнь.

– Что? – изумляюсь я. – Пап, я не могу его взять!

– Там половина пустая. – Он перелистывает чистые страницы. – Ты ведь в Голливуде будешь. Завершишь начатое.

Я с тревогой гляжу на блокнот.

– А вдруг я его потеряю, мало ли...

– Не потеряешь. Зато окунешься в приключения. – Папино лицо на миг становится загадочным. – Бекки, детка, как я тебе завидую! Таких приключений, как тогда в Калифорнии, мне за всю жизнь больше не выпадало.

– Родео, например? – Эту историю я тоже слышала миллион раз.

– Оно, – кивает папа. – И... еще много чего. – Он похлопывает меня по руке, глаза его блестят. – Добудь мне автограф Траволты, порадуй отца.

– А вторая просьба? – спрашиваю я, осторожно убирая блокнот в сумку.

– Это вообще пустяк. – Он вытаскивает из кармана сложенный листок. – Загляни к моему старому приятелю Бренту. Он где-то в Лос-Анджелесе, вот его тогдашние координаты. Передай от меня привет.

– Хорошо. – Под именем «Брент Льюис» на листке записан адрес в Шерман-Оукс и телефон. – А может, ты ему позвонишь? Или скинешь эсэмэс? Или можно по «скайпу» – это же просто.

При слове «скайп» папа вздрагивает. Мы как-то пытались пообщаться по «скайпу» с Джесс в Чили, но получилось не сказать чтобы блестяще. Картинка то и дело застывала, поэтому сеанс пришлось прервать. А потом вдруг включился звук, и мы услышали, как Джесс с Томом, готовя ужин, ссорятся из-за Дженис. Неудобно вышло.

– Нет, лучше ты лично передай привет, – настаивает папа. – Если захочет, возобновим знакомство. Все-таки столько воды утекло. Может, ему уже и неинтересно.

Нет, не понимаю я старшее поколение. Пещерные жители. Если бы мне нужно было выйти на связь с потерянной приятельницей, я бы просто отправила ей эсэмэску: «Привет! Надо же, сколько лет ни слуху ни духу! Как это мы так?» Или нашла бы ее на «Фейсбуке». Но для папы с мамой это все параллельный мир.

– Ладно, – соглашаюсь я и вкладываю листок с адресом в книжку для автографов. – А остальные двое твоих друзей?

– Кори и Реймонд? – Папа качает головой. – Они слишком далеко живут. Кори в Лас-Вегасе. Реймонд, кажется, где-то в Аризоне. С ними-то я еще контактил... более или менее. А Брент совсем запропал.

– Жаль, что у вас тогда не было «Фейсбука».

– И правда, – кивает папа.

– О, спасибо, мне так приятно! Это недавний подарок от мужа! – доносится сквозь гул толпы мамин голос, и я оборачиваюсь. Какая-то незнакомая дама восхищается ее жемчугом, мама горделиво прихорашивается. – Красиво, правда?

Я улыбаюсь папе, тот подмигивает в ответ. Мама просто без ума от своих жемчугов. Это старинное кольцо 1895 года с рубиновой застежкой в обрамлении бриллиантов (я помогла выбирать, так что помню все в подробностях). Папин ББ в этом году оказался крупнее обычного, поэтому мы позволили себе шикануть. ББ расшифровывается как Большой Бонус, так мы его между собой называем. Папа много лет проработал в страховой сфере, теперь вышел на пенсию, но по-прежнему дает консультации и получает за это поразительно круглые суммы. Несколько раз в год он является в костюме с галстуком на совещания, а потом ему выплачивают единовременный гонорар, обеспечивающий нам приятные сюрпризы. В этом году улов получился богатый: маме достался жемчуг, мне – ожерелье от Алексиса Биттара, а Минни – новый кукольный домик. И даже Люку перепали красивейшие запонки.

Люк говорит, что папа, судя по всему, редкий, но востребованный специалист в узкой сфере, раз его услуги так щедро оплачивают. Папа на этот счет, как ни странно, скромничает.

– Ты у меня золото! – Мама нежно целует папу.

– А ты у меня просто красавица! – лучится улыбкой папа. На свою часть ББ он купил твидовый пиджак, который ему очень идет. – Ну и где же этот знаменитый фонтан?

В нескольких шагах от нас Таркин дает интервью на камеру. Бедный Тарки... Вот уж кому далеко до звезды экрана. Он нервно ломает пальцы, кадык прыгает в расстегнутом вороте клетчатой рубашки.

– Хм, – откашливается Таркин. – Хм-хм, мы хотели... гкхм... украсить дом...

– Чушь собачья! – басит кто-то у меня за спиной.

Боже, это отец Тарки, граф Как-его-там, подкрался незаметно. (Вечно забываю, каких, собственно, земель он граф. Каких-то шотландских, кажется.) Он худой и высокий, с жидкими седеющими волосами, одет в свитер с ирландскими косами (Тарки тоже из таких не вылезает). Я с ним никогда не общалась толком, но страх он наводит умеет. И вот теперь он грозно тычет заскорузлым пальцем в сторону пруда.

– Говорил я парню, триста лет этот вид никто пальцем не трогал. На кой черт портить?

– Зимой на пруду будут пускать фейерверки, – заступаюсь я за Тарки. – По-моему, красиво.

Обдав меня презрением, граф отворачивается к протянутому официанткой блюду с закусками.

– Что это?

– Суши, сэр.

– Суши? – свирепеет он. – Какие еще суши?

– Рис с сырым лососем, сэр. Японская кухня.

– Чушь собачья!

К моему облегчению, граф удаляется, но стоит мне потянуться за порцией суши, как по ушам бьет знакомый пронзительный вопль.

– Можно! Мо-о-ожно!

Боже. Это Минни.

Коронным словом моей дочери очень долго было «Мое!». Наконец после долгих мытарств нам удалось переучить ее на «Можно?». Казалось бы, так лучше...

Я резко оборачиваюсь и отыскиваю Минни глазами. Покачиваясь на каменной скамье, она тянет из рук сына Сьюз Уилфрида красный пластмассовый грузовик.

– Мо-о-ожно! – вопит она возмущенно. – Мо-о-ожно! – А потом, к моему ужасу, начинает колотить Уилфрида грузовиком, сопровождая каждый удар громким «Можно! Можно! Можно!».

Беда в том, что назначение этого слова Минни так и не уловила.

– Минни! – Я бросаюсь к ней через газон. – Отдай Уилфи грузовичок.

Люк, спешащий к ней с другой стороны, обменивается со мной сконфуженным взглядом.

– Можно грузовик! Мо-о-ожно! – вопит Минни, намертво вцепившись в игрушку.

Вокруг раздается смех, и Минни одаряет зрителей сияющей улыбкой. Вот ведь актриса! При этом такая умилительная, что сердиться на нее никак не получается.

– Бекки! – раздается сзади жизнерадостный голос. Это Элли, няня Сьюз, наше сокровище. (Есть еще «нянюшка», смотревшая в детстве за Тарки и живущая в доме до сих пор. Но она только слоняется без дела и одевает всех в жилеты.) – Мы с детьми идем вон туда, где повыше, – она показывает на уступ по другую сторону пруда. – Оттуда лучше видно. Может быть, Минни тоже взять?

– Ой, спасибо, – искренне благодарю я. – Минни, если хочешь посмотреть с уступа вместе с остальными, грузовик нужно отдать Уилфи.

– Уступа? – пробует незнакомое слово Минни.

– Да-да! Уступ! Отличный уступ! – Я выхватываю у нее грузовик и возвращаю владельцу. – Иди с Элли, солнышко. Таркин! – окликаю я шагающего к нам хозяина поместья. – Все просто грандиозно!

– Да... – Вид у Таркина удрученный. – Надеюсь. У нас проблемы с напором. По всему району. Так некстати.

– О нет!

– Включайте! – с отчаянием произносит Таркин в рацию. – Чего бы это ни стоило! Нам не годится тонкая струйка, нам нужна мощь! Вот уж не думал, что фонтаны – такие мерзавцы, – морщится он.

– Все будет хорошо, – успокаивает его Люк. – Проект-то отличный.

– Надеюсь. – Тарки утирает пот и смотрит на табло с обратным отсчетом. Там светится «4:58». – Мама родная! Побегу.

Толпа разрастается, съемочных групп с телевидения уже две, берут интервью у зрителей. Люк подхватывает с подноса два бокала вина, один передает мне, мы чокаемся и идем к огороженной вип-зоне. Сьюз о чем-то оживленно беседует с бизнес-менеджером Таркина, Ангусом.

– Наверняка у Тарки имеются деловые интересы в Штатах. Ему обязательно нужно туда съездить. Вы согласны?

– В этом нет никакой необходимости, леди Клиф-Стюарт, – уверяет Ангус. – Все американские активы под контролем.

– У нас есть инвестиции в Калифорнии? – не сдается Сьюз. – Апельсиновая роща какая-нибудь? Мне кажется, их нужно проводить. Если хотите, я могу слетать.

Она оглядывается на меня и подмигивает, а я отвечаю сияющей улыбкой. Так его, Сьюз!

Граф с графиней пробираются в передние ряды, прокладывая себе дорогу стульями-тростями и критически поглядывая на пруд.

– Хочешь что-то соорудить, – не унимается граф, – поставь беседку. Где-нибудь подальше, в кустах. Но фонтан? Чушь собачья!

Я сердито сверкаю на него глазами. Приехал, понимаете ли, критикан.

– Не согласна, – кидаюсь я на защиту. – Этот фонтан еще не одно столетие послужит графству визитной карточкой.

– Вот как, значит? Не согласны? – Он меряет меня недобрым взглядом, и я упрямо задираю подбородок. Нам не страшен старый граф.

– Да! Сегодняшний день войдет в историю. Вот увидите.

– Шестьдесят! Пятьдесят девять! – выкрикивает парень с мегафоном, и я чувствую небывалый подъем. Наконец! Фонтан Тарки! Я хватаю Сьюз за руку, и подруга, сияя, оборачивается ко мне.

– Двадцать три... двадцать два... – считает вся толпа хором.

– Где Тарки? – перекрикивая гомон, спрашиваю я. – Он должен быть здесь, в гуще событий!

Сьюз пожимает плечами.

– Наверное, где-то с техниками.

– Пять... четыре... три... два... один... Дамы и господа... Прорыв!

Толпа оглашает окрестности радостным воплем, взметнувшаяся из водной глади струя достигает...

Ой. М-да. Футов пять. Для «Прорыва» маловато. Может, она сейчас еще поднимется?

Да, поднимается, футов до двенадцати, и толпа ликует с новой силой. Но у Сьюз на лице ужас.

– Нет! Он должен быть раз в пять выше.

Струя падает, потом невероятным усилием выталкивается футов до пятнадцати. Снова слегка падает, снова приподнимается.

– И все? – презрительно цедит граф. – Я бы из шланга и то мощнее выдал. Что я тебе говорил, Марджори?

Теперь и в толпе ликование постепенно сменяется смехом. Каждый подъем струи встречают радостным воплем, каждое опадание – разочарованным: «А-а-ах!»

– Проблемы с напором! – вдруг осеняет меня. – Тарки говорил, там какие-то неполадки.

– Его это убьет. – Глаза Сьюз наполняются слезами. – Поверить не могу! Настоящее убожество...

– Никакое не убожество! – вскидываюсь я. – Это великолепно. Очень... изящно.

На самом деле зрелище действительно жалкое.

И тут струя с оглушительным хлопком выстреливает прямо в небо, футов на сто.

– Вот! – кричу я, в экстазе хватая Сьюз за руку. – Заработал! Это потрясающе! Это сказка! Это... о-о-ой... – Вопль застревает у меня в горле.

Что-то не так. Не знаю что. Но так быть не должно.

Водяной заряд несется прямо на нас, словно из пушки. Мы застываем в ступоре, и водяная масса обрушивается на троих людей у меня за спиной – сзади раздаются визги. Фонтан тут же выплевывает еще одну водяную бомбу, мы все пригибаемся, закрываясь руками. Миг спустя другая пара стоит облитая с головы до ног.

– Минни! – отчаянно машу я дочке. – Уходи!

Но Элли уже уводит малышку на самый верх уступа.

– Женщины и дети – в укрытие! – рокошет граф. – Покинуть корабль!

Вокруг хаос. Все разбегаются в разные стороны, уворачиваясь от водяных бомб. Каравкаясь по скользкому склону, я замечаю Тарки – он стоит в стороне от толпы, промокнувший до нитки.

– Перекрыть! Перекрыть! – кричит он в рацию. – Выключите все!

Бедный Тарки в полном отчаянии. Кажется, вот-вот заплачет. Я уже хочу подойти и обнять его, но тут к нему подбегает Сьюз. В глазах ее сплошное сочувствие.

– Тарки, ничего страшного! – кидается она ему на шею. – Ни одно великое изобретение не обошлось без сбоев.

Тарки не отвечает. Похоже, онемел от горя.

– Это не конец света, – делает еще попытку Сьюз. – Это всего лишь фонтан. Идея-то все равно блестящая...

– Блестящая? Пропавшая! – Перешагивая через лужи, к нам подходит граф. – Пустая трата времени и денег. Сколько ты спустил на этот позор, Таркин? – Он тычет в воздух своим складным стулом-тростью. (Ух, я сейчас его самого чем-нибудь ткну!) – Фонтанам положено поднимать боевой дух, а не топить бойцов! – Граф саркастически фыркает. – Может, теперь, разорив дом и выставив нас на посмешище, ты возьмешь наконец несколько уроков правильного содержания исторической достопримечательности. А?

На Таркина смотреть больно. Пепельно-бледный от стыда, он нервно комкает руки. Я раздуваюсь от негодования. Вот ведь брюзга его отец! Просто чудовище. Я уже набираю воздуха, чтобы высказать графу все начистоту, но меня опережает чей-то бодрый голос:

– Ну хватит, довольно.

Я удивленно вскидываю голову. Это папа пробирается сквозь столпотворение, вытирая мокрый лоб.

– Оставьте человека в покое. Все великие начинания буксуют поначалу. У Билла Гейтса тоже не все гладко шло, а посмотрите, чего добился! – Папа участливо похлопывает Таркина по плечу. – Техническая заминка, подумаешь. Не конец света. Всем понятно, что после отладки зрелище будет грандиозное. Ура Таркину и всем организаторам «Прорыва»!

Папа начинает подчеркнуто громко хлопать, и через несколько секунд к нему присоединяются остальные зрители. Раздается даже несколько «Гип-гип!»

Таркин смотрит на папу почти с обожанием. Граф удалился, насупленный и обозленный, – еще бы, на него уже никто не обращает внимания. Повинуясь внезапному порыву, я кидаюсь обнимать папу, чуть не расплескав бокал с вином.

– Папа, ты сокровище! А ты, Тарки, запомни: фонтан еще себя покажет! Первый блин комом!

– Точно! – подхватывает Сьюз. – Первый блин комом.

– Спасибо на добром слове, – горько вздыхает Таркин.

Вид у него по-прежнему убитый, и я тревожно переглядываюсь со Сьюз. Бедняка Тарки. Он месяц за месяцем работал на износ. Он этим несчастным фонтаном жил и дышал. И несмотря на все папины утешения, позор, конечно, получится страшный. Обе съемочные группы по-прежнему снимают в поте лица, только теперь материал пойдет в заключительную, юмористическую часть выпуска новостей.

– Дорогой, по-моему, нам нужно переключиться, – наконец говорит Сьюз. – Проветрить мозги, отдохнуть...

– Переключиться? – неуверенно переспрашивает Тарки. – На что?

– На отдых! Уехать на время подальше от Летерби-Холла, от фонтана, от наседающей родни... – Сьюз воинственно оглядывается на графа. – Ангус считает, что хорошо бы слетать в Лос-Анджелес, проверить наши активы. Рекомендует ехать в Калифорнию не откладывая. По-моему, надо прислушаться.

PLEASEGIVEGENEROUSLY.COM

Дарите миру. Делитесь с миром. Делайте мир лучше.

ВЫ НАХОДИТЕСЬ НА СТРАНИЦЕ

ДЭННИ КОВИТЦА

Личное обращение Дэнни Ковитца

Дорогие друзья!

С радостью обращаюсь к вам в год «отдачи долгов», год «преодоления себя», год «открытия неизведанного».

В этом году я участвую в нескольких масштабных проектах с целью испытать себя и собрать деньги на значимые благотворительные нужды (см. Благотворительные проекты Дэнни).

Чтобы за один короткий год осуществить все задуманное, потребуется приложить немало сил. Да, я знаю! Задача почти неподъемная. Но для меня это жизненно важно. Поэтому, дорогие мои, прекрасные мои друзья, ознакомьтесь с проектами по ссылкам и не скупитесь на пожертвования.

Экспедиция на Гренландский ледяной щит

АЙРОНМЕН (Озеро Тахо)

АЙРОНМЕН (Флорида)

Песчаный марафон (пустыня Сахара)

Атака яков (горная велогонка в Гималаях)

Подготовка идет хорошо, мой инструктор Дидерик мной ОЧЕНЬ доволен. (Желающих взглянуть на Дидерика приглашаю на сайт Diederiknustrainer.com. За фото, на котором он делает жим лежа в узких синих шортах, можно отдать жизнь...)

Буду слать вам весточки из экспедиций. Следующая остановка – Гренландия!!! Всех обнимаю

Дэнни, ☺

Глава 6

Прошло две недели. Я уже в Голливуде. Я, Бекки Брендон, урожденная Блумвуд, живу в Голливуде. То и дело повторяю это вслух, надеясь в конце концов поверить. Но пока для меня это все равно что «я живу в сказке».

Дом расположен в районе Голливуд-Хиллз, он весь воздушный и прозрачный, а ванн-ных комнат столько, что половина стоит без дела. Еще есть гардеробная и летняя кухня. И бассейн! И чистильщик бассейна! (Увы, пятидесятитрехлетний пузан. Прилагается к дому.)

Самое потрясающее здесь – виды. Каждый вечер мы садимся на балконе любоваться мерцающими голливудскими огнями, и я чувствую себя, как в волшебном сне. Загадочный он, Лос-Анджелес. Никак мне его не постичь. Совсем не похож на европейские города, где можно встать в центре и заявить с уверенностью: «Ну вот я и в Милане (Амстердаме, Риме)». В Лос-Анджелесе все время колесишь по бесконечным автострадам, смотришь в окно и гадаешь, приехал ты или еще нет.

И соседи тут не особенно компанейские. Никто ни с кем не видится. Никто не болтает с прохожими через забор, из дома выезжают исключительно на машине. Только кинешься к кому-нибудь с радостным: «Привет! Меня зовут Бекки! Не хотите заглянуть на чашечку...» – как перед твоим носом захлопываются автоматические ворота.

С одним соседом мы все-таки пообщались – с пластическим хирургом по имени Илай. Вполне себе приветливый, мы мило поболтали о ценах на аренду и о его специализации на «микроподтяжках». Но я все время чувствовала на себе критический взгляд – явно прикидывал, что бы мне подтянуть. А больше я на улице никого пока не встречала.

Ну да ладно. Ничего страшного. Познакомлюсь еще. Как же иначе?

Я застегиваю босоножки на платформе из рафии, откидываю волосы за спину и гляжусь в огромное зеркало в холле. Оно стоит на массивном резном комоде, а напротив – два гигантских кресла на выложенном мексиканской плиткой полу. В этом доме все массивное: мягкий угловой диван человек на десять в гостиной; кровать с балдахином, на которой мы с Люком друг друга теряем; отдельная просторная кухня с тремя духовками и сводчатым кирпичным потолком. Даже двери тут – клепаные средиземноморские громадины из термообработанной древесины с запирающимися замками. Ключи я повинытаскивала, хотя смотрелось красиво (Минни и ключи – вещи несовместимые). Нет, честное слово, дом сказочный!

Но сегодня мои мысли занимает не интерьер, а собственный облик. Я критически оглядываю свое отражение, выискивая недостатки. Не помню, когда последний раз так беспокоилась за свой внешний вид. Ладно, беглая инвентаризация. Топ – «Элис плюс Оливия». Джинсы – «Джей Бренд». Сумка с кисточками: Дэнни Ковитц. Хипповая заколка – найдена на блошином рынке. Я принимаю несколько разных поз, прохожусь туда-сюда. По-моему, хорошо, но достаточно ли хорошо для Лос-Анджелеса? Меряю солнечные очки – сперва «Оукли», потом закрывающие пол-лица «Том Форд». Хм. Не знаю... Статусно? Или... чересчур?

Мандраж скручивает все внутри тугим узлом. Сегодня великий день: я веду Минни в детский сад. Он называется «Листик», и нам крупно повезло туда попасть. Вроде бы среди подопечных есть дети знаменитостей, так что я стопроцентно вызовусь в родительский комитет. Как было бы здорово влиться в звездную тусовку... Организовывать утренник с Кортни Кокс или кем-то вроде! А что, разве нереально? Потом она познакомит меня с остальными актерами из «Друзей» и, может, мы вместе пройдемся на яхте или еще что-нибудь интересное придумаем...

– Бекки? – прерывает мои мечты голос Люка. – Я тут заглянул под кровать...

– Привет! – перебиваю я. – Какие очки мне надеть?

Я демонстрирую по очереди «Оукли», «Том Форд» и еще одни, в потрясающей черепаховой оправе, купленные в «Топ Шоупе» всего за пятнадцать фунтов (так что я взяла три пары).

– Какая разница? – недоумевает Люк. – Ты же просто везешь Минни в сад.

Я изумленно моргаю. Просто везу в сад? Просто? Он что, не читает «Ю-Эс уикли»? Любому известно, что парковка у школы или сада – это злачное место. Именно там папарацци отлавливают знаменитостей в ипостаси «обычных родителей». Именно там демонстрируются «повседневные» наряды. Даже в Лондоне мамы окидывают друг друга оценивающим взглядом и хвастливо покачивают сумочками на локте. Каково же будет в Лос-Анджелесе, где у всех идеальные зубы и подтянутые плоские животы, а половина родителей – настоящие звезды?

В конце концов я останавливаю выбор на «Оукли». В холл выбегает Минни, и я, взяв ее за руку, смотрю в зеркало на нас обеих. Она в прелестном желтом сарафанчике и белых солнечных очках, а собранные в хвост волосы перехвачены резинкой с пушистым шмелем. По-моему, мы впишемся. Вполне голливудские мама с дочкой.

– Готова? – спрашиваю я Минни. – Тебе понравится в саду! Будешь там играть, печь кексики с разноцветной посыпкой...

– Бекки! – снова окликает меня Люк. – Я заглянул под кровать и нашел там вот это. – Он протягивает портплед. – Это твое? Что оно там делает?

– Ой.

Я поправляю «хвостик» Минни, пытаюсь выиграть время. Черт. Зачем он полез под кровать? Он же вечно занятый бизнесмен, когда он успевает лазить под кроватями?

– Это для Сейдж, – признаюсь я наконец.

– Для Сейдж? То есть длинную шубу из искусственного меха ты купила для Сейдж? – поражается Люк.

Нет, правда, хоть бы посмотрел как следует. Никакая она не длинная. Всего лишь до середины бедра.

– Ей пойдет, – объясняю я. – С цветом волос сочетается идеально. И разнообразит имидж.

Люк в полном замешательстве.

– Зачем ты вообще покупаешь ей вещи? Вы даже не знакомы.

– Пока не знакомы. Но ты ведь нас познакомишь?

– Ну, да, когда-нибудь.

– Вот! Сам знаешь, я планирую переквалифицироваться в стилисты, а Сейдж – самая подходящая для меня клиентка. Вот я и собираю образы потихоньку.

– Постой-ка... – Люк меняется в лице. – Там под кроватью были и другие чехлы. Только не говори, что...

Я чертыхаюсь про себя. Никогда, никогда ничего не прячь под кроватью!

– Ты скупаешь это все для Сейдж?

Видя его неподдельный ужас, я невольно становлюсь в позу. Сначала Сьюз, теперь Люк. Они что, совсем не понимают, как организуется бизнес? Неужели сложно догадаться: чтобы консультировать по одежде, необходимо для начала обзавестись одеждой. Будь я теннисисткой, разве кого-то удивила бы моя теннисная ракетка?

– Я не скупаю! Это производственные расходы. Как у тебя на скрепки. Или ксероксы. И потом, все эти вещи я снимала для портфолио, – с достоинством отвечаю я. – Фотосессия у Сьюз получилась отличная. Так что я еще и сэкономила.

Переубедить Люка, похоже, не удалось.

– Сколько ты потратила?

– Не стоит поднимать финансовые вопросы при Минни, – заявляю я строго и беру дочь за руку.

Люк смотрит на меня долгим, немного обреченным взглядом. Уголок рта закушен, брови сведены домиком. Это выражение лица я тоже знаю наизусть. Означает: «Как бы помягче сказать Бекки – чтобы она не взорвалась?»

(Между прочим, лишняя предосторожность, потому что я никогда не взрываюсь.)

– Что? – спрашиваю я. – Что такое?

Люк не спешит с ответом. Отходит к гигантскому креслу, теребит полосатую мексиканскую накидку. Такое ощущение, что прикрывается от меня этим креслом, как щитом.

– Бекки, ты только не обижайся...

Вот тоже на редкость дурацкий заход. Обидно уже само предположение, что я должна обидеться. Ну и понятно, что ничего хорошего подобное начало не обещает.

– Нет-нет, с чего бы мне обижаться?

– Мне тут рекомендовали одно заведение... Называется «Золотой покой». Слышала?

Слышала? Про «Золотой покой» известно всем, кто хоть раз брал в руки журнал «Пипл». Там носят клубные браслеты, занимаются йогой, а знаменитости лечатся от зависимостей (хотя считается, что от переутомления).

– Еще бы! Реабилитационный центр.

– Не только реабилитационный. Там много разных программ для избавления от... расстройств. Например, одна девушка страдала барахольничеством, что сильно отравляло ей жизнь. Она обратилась в «Золотой покой», и ей там действительно помогли. Я и подумал, может быть, нам тоже попробовать. Тебе то есть.

До меня не сразу доходит смысл сказанного.

– Мне? Но я не барахольщица. И не алкоголичка.

– Нет, конечно, хотя... – Люк трет переносицу. – Привычка к чрезмерным тратам за тобой водится, согласишься...

Я с шумом втягиваю воздух. Удар ниже пояса. Ощутимо ниже. Да, у меня случались в жизни кое-какие срывы. Да, я пару раз попадала в финансовую яму. Ямку. В крупных компаниях это называется «корректировка», ее суют в самый конец годового отчета и благополучно забывают. А не тычут тебе в нос по поводу и без повода. И не отправляют тебя на реабилитацию.

– Значит, по-твоему, у меня зависимость? Ну, спасибо, Люк!

– Нет! Но...

– Поверить не могу, что ты обвиняешь меня в таких вещах при ребенке! – Я драматически прижимаю к себе Минни. – Намекаешь, что я плохая мать?

– Нет! – Люк трет лоб. – Просто предложил. Няня Сью предлагала то же самое, помнишь?

Я гневно сверкаю на него глазами. Не надо напоминать мне про няню Сью. Чтобы я еще хоть раз обратилась к так называемым «специалистам»... Ее позвали помочь нам скорректировать поведение Минни, а она что сделала? Вцепилась в меня как клещ и начала разбирать мои поступки, которые совершенно к делу не относятся!

– И потом, «Золотой покой» – учреждение американское, – наконец нахожу я сокрушительный аргумент. – А я британка. Так что вот!

– Что – вот? – недоумевает Люк.

– Ничего не получится, – терпеливо объясняю я. – Если у меня какие-то отклонения (которых нет и в помине), то это британские отклонения. Разница существенная.

– Но...

– Хочу к бабуле! – раздается звонкий голосок Минни. – У бабули кексики. Можно? Мо-о-ожно-о-о!

Мы с Люком удивленно оборачиваемся, прервав разговор на полуслове. Минни сидит на полу по-турецки и, запрокинув голову, смотрит на нас. Нижняя губа дрожит.

– У бабули кексики, – повторяет она, и на ресницах повисает крупная слеза.

Бабулей Минни зовет мою маму. Господи, ребенок тоскует по дому!

– Солнышко! – Я обнимаю Минни и крепко прижимаю к себе. – Доченька, детка моя... Мы все хотим повидаться с бабулей, и мы скоро ее увидим, но сейчас мы в другом месте, и у нас будет много новых друзей. Много-много друзей, – уговариваю я уже себя.

– Что это с ней вдруг? – вполголоса спрашивает Люк через голову Минни.

– Непонятно, – пожимаю я плечами. – Наверное, это я ее с толку сбילה обещанием кексиков с посыпкой, они их с мамой часто делают...

– Минни, солнышко, – Люк тоже опускается на пол и сажает Минни на колени. – Давай мы сейчас посмотрим на бабулю и скажем ей «привет»? – Он берет с резного комода мой телефон и ищет фотографии. – Так, вот... вот они! Бабуля и дедуля. – Люк показывает Минни фото мамы с папой в нарядах для вечера фламенко в бридж-клубе. – А вот Уилфи... – Он прокручивает на следующее фото. – И тетя Сьюз...

При виде улыбающегося лица Сьюз у меня самой сжимается сердце. Хотя я и не признаюсь Люку, мне здесь, в Лос-Анджелесе, тоже, если честно, слегка одиноко. Все родные и друзья далеко, с соседями не общаешься, работы нет...

– Скажи: «Привет, бабуля!» – подсказывает Люк Минни, и секунду спустя она уже машет ладошкой снимку, забыв про слезы. – Знаешь, милая, сперва всегда бывает страшно-вато. Но скоро у нас в Лос-Анджелесе будет море знакомых. Скоро весь телефон будет забит фотографиями новых друзей.

Он Минни утешает или меня?

– Нам, наверное, пора, – говорю я с благодарной улыбкой. – Минни ждут новые игрушки, а меня – будущие знакомства.

– Вот и умницы. – Люк обнимает Минни, потом, поднявшись, целует меня. – Вы там всех покорите.

Детский сад Минни расположен где-то на Франклин-авеню, и хотя я туда уже навещала, приезжаю слегка взвинченная. Боже, как трудно водить в Лос-Анджелесе! И к нашей арендованной машине я никак не привыкну. Все кнопки и рычаги в непривычных местах, я то и дело по ошибке жму на клаксон. А правостороннее движение – это вообще издевательство. Совершенно против природы. К тому же дороги здесь слишком широкие. И слишком много полос. В Лондоне куда уютнее. Там хоть ориентируешься.

В конце концов мне удастся припарковать машину – необъятных размеров «крайслер». Почему мы не взяли «мини-купер»? Я выдыхаю, хотя сердце все еще колотится как сумасшедшее, и поворачиваюсь к пристегнутой в автокресле Минни.

– Приехали! Пора в садик! Побежали-побежали?

– Водятлы американцы! – отчетливо произносит Минни.

Я вздрагиваю. Где она такого набралась? Это не мое выражение. То есть...

– Минни, так нельзя говорить! Это плохое слово. Мама не это имела в виду. Мама хотела сказать... молодцы американцы!

– Водятлы, – повторяет Минни, не обращая на меня внимания. – Водятлы американцы, – распевает она на мотив «Мигай, мигай, звездочка». – Во-дят-лы-амери-канцы...

Вести в садик ребенка, который с порога обзывает американских водителей? Минни поет все громче и громче. «Водятлы американцы!» Сделать вид, что это такая забавная британская детская песенка?

Ох.

Но не сидеть же весь день в машине. Рядом выбираются из своих громадин-внедорожников другие мамы с маленькими детьми. К тому же мы должны были сегодня приехать пораньше.

– Минни, я дам тебе печенье, можешь грызть до самого садика. – Мне приходится повысить голос, чтобы она услышала. – Только надо идти тихо-тихо, как мышки. Никаких песен, – подчеркиваю я.

Минни умолкает и смотрит на меня с подозрением.

– Печенье?

Уф! Получилось.

(Да, я знаю, что подкупать ребенка сладостями плохо; придется потом скормить ей побольше зеленой фасоли для компенсации.)

Выскачив из машины, я отстегиваю Минни, вручаю ей печенье с шоколадной крошкой из собственного стратегического запаса, и мы шагаем по тротуару.

Обочине то есть. Пора привыкать.

На подходе к садику я высматриваю папарацци – что-то ни одного не видно. Наверное, прячутся в кустах. Украдкой скользя взглядом по лицам женщин, входящих с детьми в ворота садика.

Хм. Кажется, знаменитостей среди них нет, хотя все они подтянутые, загорелые, с сияющими волосами. Большинство в спортивных костюмах – делаю себе мысленную пометку завтра явиться так же. Мне очень хочется стать здесь своей. И чтобы Минни тоже влилась, и мы обе завели массу друзей.

– Ребекка!

Это Эрика вышла нас встретить, и я облегченно улыбаюсь при виде знакомого лица. Эрике около пятидесяти, у нее прямые рыжие волосы и яркая разноцветная одежда – прямо персонаж из детского фильма. Она руководитель ясельной программы и уже завалила меня электронными письмами на тему адаптации и разлуки с родителем, и радости познания, и самоопределения (это я поняла как свободу выбора нарядов, хотя уточнять не решилась).

– Добро пожаловать в «Листик», Минни! – Эрика ведет нас в «ясельный учебный центр» (точь-в-точь обычная группа в английском детском саду – большая комната, полная игрушек, только здесь они называются «развивающие пособия»). – Удалось припарковаться? – спрашивает она, подвешивая фляжку Минни на специально отведенный крючок. – Говорят, некоторые сегодня долго кружили, пока свободное место нашли.

– Нет, у нас все хорошо, спасибо.

– Где тут толмоз? – выдает вдруг Минни с лучезарной улыбкой. – Где в этой улудской масине улудский толмоз?

Я заливаюсь краской.

– Минни! Перестань! Кто тебя... Понятия не имею, откуда...

Минни снова заводит «водятлы американцы» на мотив «Мигай, мигай, звездочка».

– Минни! – почти взвизгиваю я. – Прекрати! Петь нельзя!

Хочется провалиться сквозь землю. Эрика пытается сохранить серьезное лицо, воспитательницы оборачиваются. Прекрасно.

– Минни явно очень восприимчивая девочка, – дипломатично говорит Эрика.

Да уж, схватывает на лету. Больше до конца жизни при ней ни слова.

– Верно. – Я постепенно успокаиваюсь. – Ой, какая у вас миленькая песочница! Иди, Минни, поиграй в песочек.

– Как я уже говорила, мы работаем по программе постепенного отдаления от родителя, – начинает Эрика, наблюдая за Минни, которая радостно зарывается ладошками в песок. – Это ее первые шаги на большом пути к личной независимости и самостоятельности. Первые шаги от маминой юбки. И мы не будем подгонять Минни, пусть идет в своем темпе.

– Э-э, несомненно.

Такое ощущение, что речь идет о кругосветной экспедиции, а не о первом дне ребенка в саду.

– Поэтому сегодня я попрошу вас, Ребекка, следовать за Минни по пятам. Чтобы она чувствовала вашу поддержку. Озвучивайте все ее удивительные открытия, смотрите на мир ее глазами. Поначалу Минни будет неуютно. Приобщать ее к существованию в отрыве от мамы мы будем постепенно. Вы увидите, как она будет раскрываться, словно цветочный бутон, и вы поразитесь ее успехам!

– Да... Потрясающе! – с жаром киваю я.

Неподалеку от нас другая мама сидит на корточках рядом со своим кудрявым светло-волосым мальчиком. Тонкая, как тростинка, одетая в несколько футболок одна на другую (каждая долларов по сто, между прочим – моя мама такого никогда не поймет), она пристально следит, как ее сын тычет перемазанным в краске пальцем в лист бумаги.

– Интересные цвета, Айзек, – с серьезным видом хвалит она. – Мне нравится созданный тобой мир. – Мальчик принимается размазывать краску по лицу, но мама и бровью не ведет. – Теперь ты самовыражаешься через собственное тело. Это твой выбор, Айзек. Мы все делаем выбор.

Боже... Как здесь все серьезно. Но раз уж решила стать своей – подстраивайся.

– Если понадобится, я рядом, – улыбается Эрика. – А вы наслаждайтесь радостью совместных открытий.

Она уходит к другому ребенку. Вдохновленная ее словами, я выключаю телефон, твердо намеренная посвятить все утро Минни.

Так. Дело осложняется. Хорошо сказать «следуйте за Минни по пятам». Я честно стараюсь превратиться в дельфиниху, которая скользит со своим дельфиненком по лазурным волнам, познавая мир вместе с ним.

Однако дельфинихам не приходится поскальзываться на «Лего», огибать пластиковые домики и врезаться в резко меняющих курс детей. Ровно три секунды повозившись в песочнице, Минни летит во двор, кататься на трехколесном велосипеде. Едва я выскакиваю за ней, спотыкаясь о ящик с кубиками, как она передумывает, несется обратно в группу и хватает куклу. А потом бежит наружу катать куклу с горки. Раз десять уже метнулась туда-обратно. Я задыхаюсь от этих гонок с препятствиями. Поток хвалебных комментариев с моей стороны не прекращается ни на секунду, но Минни они, кажется, по барабану. Утренняя тоска прошла, и когда я пытаюсь ее обнять, она выворачивается с воплем: «Не хочу обниматься! Играть!»

– А теперь ты открываешь... э-э... тяготение! – «озвучиваю» я, когда она роняет на пол мишку. – Замечательно, солнышко! А сейчас ты хочешь самовыразиться с помощью воды? – Минни направляется к наполненной пластмассовой ванночке и самозабвенно там плещется. – Ты выбираешь бултыхание... А-а-а! – Минни брызгает водой мне в лицо. – Ты приняла решение заодно и меня облить? Ух ты! Очень... интересный выбор.

Минни даже не слушает. Она бежит к игровому домику – миленький, стилизован под пряничную избушку из сказки. Я тороплюсь за ней, чуть не падая на упругом разноцветном коврике-пазле с алфавитом.

– А теперь ты в домике! – Я лихорадочно придумываю, что еще сказать. – Ты открываешь... э-э... окна? Впустишь меня?

– Нет! – отрезает Минни, захлопывая дверь у меня перед носом и с грозным видом выглядывая в окно. – Мама, сиди там. Минни в домике!

Она с грохотом захлопывает ставни, и я опускаюсь на пятки. Все, я выдохлась. Не могу придумать, какое еще открытие ей прокомментировать. Хочу кофе. Я рассеянно верчу в руках штуковину с деревянными бусинами на разноцветных прутиках. А занимательная,

между прочим, головоломка. Нужно собрать бусины разных цветов в разных углах, и это куда труднее, чем кажется на первый...

– Ребекка?

Я вскакиваю с виноватым видом, роняя игрушку на коврик.

– Ой, Эрика, это вы?

– Как дела у Минни? – участливо интересуется Эрика. – Уже учится выпускать вас из вида?

– Играет в домике. – Я с улыбкой открываю ставни. В домике пусто. Черт. – Только что была внутри... – Я судорожно шарю взглядом по группе. – А, вон она.

Взяв под руку другую девочку, Минни марширует с ней по комнате, распевая «Мой папаша – мусорщик» (дедушка научил). Я пытаюсь пристроиться за ними, но дело осложняют мешающиеся под ногами грузовички и большие мягкие кубики.

– Молодец, родная! Ты выражаешь себя в песне! Э-э... может быть, поделишься с мамой своими ощущениями?

– Нет! – Не даваясь мне в руки, Минни несется во двор, забирается на горку и победоносно скатывается вниз.

Я оглядываюсь на Эрику. У той, похоже, пропал дар речи.

– Минни очень... уверенная в себе девочка, – наконец выдавливают она. – Такая независимая.

– Э-э... да.

Минни тем временем раскручивает над головой прыгалки, словно лассо. Скоро за ней начинают повторять остальные дети, хором вопя: «Мой папаша – мусорщик!» Подозреваю, что они это слово в первый раз слышат. Здесь это, наверное, называется «сборщик отходов» или «утилизатор вторичного сырья».

– Минни уверенно адаптируется, – констатирует Эрика. – Может, посидите тогда в родительской гостиной, Ребекка? Это для тех, у кого дети уже на поздних стадиях адаптации. Позволяет находиться рядом и в то же время в стороне, чтобы ребенок учился самостоятельности, но не терял ощущения безопасности.

После слов «посидеть в гостиной» я уже не слушаю. Конечно, посижу! Это явно лучше, чем, как идиотка, гоняться за дочерью, спотыкаясь об игрушечные машинки.

– С радостью.

– Кроме того, это ценная возможность для родителей обменяться взглядами на воспитание. Наверняка у вас накопилось много вопросов по нашей программе социализации...

– Да! – оживляюсь я. – Как раз хотела узнать, часто ли устраиваются утренние кофейные посиделки для мам, какие-нибудь совместные празднования...

Эрика косится на меня странным взглядом.

– Я имела в виду детскую социализацию.

– Точно, – смущаюсь я. – Детскую. Правильно.

Мы подходим к двери из беленого дуба с табличкой «Родительская гостиная». Я чувствую прилив восторга. Наконец-то! Возможность завести приятельниц. Главное – активно участвовать в организационных делах, и я обязательно познакомлюсь с какими-нибудь милыми людьми.

За распахнутой Эрикой дверью открывается комната с яркими объемными креслами из вспененного материала, в которых сидят три женщины в спортивных костюмах. Прервав оживленную беседу, они с приветливыми улыбками оборачиваются к нам. Я улыбаюсь в ответ, отмечая попутно у одной из них классную вышитую сумочку, которую я присмотрела у «Фреда Сигала».

– Представляю вам Ребекку, – объявляет Эрика. – Она в Лос-Анджелесе недавно, ее дочка Минни будет у нас в ясельной группе.

– Привет! – машу я рукой. – Рада всех видеть.

– Меня зовут Эрин.

– Я Сидни.

– Карола. Добро пожаловать в Лос-Анджелес! – Кудрявая брюнетка Карола, звякнув затейливыми серебряными украшениями, подается вперед, едва Эрика выходит. – Сколько вы уже здесь живете?

– Недолго. Мы тут временно, в связи с работой мужа.

– И вам удалось попасть в «Листик»?

– Да! – отвечаю я радостно. – Здорово, правда?

Карола недоуменно качает головой.

– Нет, вы не понимаете. В «Листик» невозможно попасть. Просто невозможно.

Остальные горячо кивают.

– Невозможно, – вторит ей Эрин.

– Так не бывает, – подхватывает Сидни.

Если в «Листик» невозможно попасть, их-то дети как тут очутились, хочу задать я резонный вопрос, но молчу. Вид у них такой серьезный. Наверное, большая тема.

– Нас не просто так взяли. Минни прошла вступительное тестирование. Ну и муж, насколько я знаю, сделал взнос, – уточняю я смущенно.

Карола смотрит на меня как на наивную ромашку.

– Все проходили тестирование. И все делают взносы. Чем еще вы их сразили?

– Мы подавали заявку пять раз, – с мрачным удовлетворением сообщает Эрин. – Пять!

– Мы обязались разбить сад на крыше, – подключается Сидни. – Муж уже нанял дизайнера.

– А мы отдали Алексу в карате, – добивает нас Карола. – Она здесь по спортивной квоте.

Я смотрю на них, открыв рот. С ума посходили? Нет, конечно, это хороший садик, что говорить, но дети здесь швыряются друг в друга пластилином, как и в любом другом.

– Ну а нас сразу взяли, – извиняющимся тоном говорю я. – Так уж вышло.

Дверь распахивается, и в гостиную пружинистой походкой врывается жизнерадостная темноглазая шатенка. На ней джинсы и стильная синяя туника, прикрывающая едва заметный беременный животик.

– Привет! – Она идет прямо ко мне. – Я Фейт. А вы Ребекка, да? Эрика сказала, что у нас сегодня новенькая.

У нее совершенно очаровательный южный говор – наверное, какой-нибудь чарльстонский. Или техасский? Или, может... Вайоминг? Вайоминг – это южные штаты?

То есть, наверное, Висконсин...

Нет, нет. Висконсин – сырный штат. А Вайоминг...

Ладно, хорошо, я понятия не имею, где Вайоминг. Надо будет в следующий раз приглядеться к названиям, когда будем собирать с Минни пазл из штатов.

– Привет, Фейт! – Я с улыбкой пожимаю ей руку. – Приятно познакомиться.

– Как вы тут, девочки вас развлекают? Вот и ладушки.

Ладушки. Восторг какой! Ладушки. Надо, пожалуй, перенять.

– Еще как! – Я слегка растягиваю слова. – Очень даже!

– Мы тут выясняли, как им удалось получить место, – возвращается к теме Карола. – Приходят буквально с улицы, выписывают чек – и пожалуйста. Как это вообще?

– А разве их не по просьбе Квини приняли? – напоминает Фейт. – Как земляков-британцев? По-моему, Эрика что-то такое упоминала.

– А-а-а, – Карола выдыхает, словно сдувающийся воздушный шарик. – Точно! Теперь ясно. Повезло вам. – Она поворачивается ко мне. – Не каждому такая удача выпадает. Благодарите Квини, она вам огромную услугу оказала.

– Простите, а кто такая Квини? – Я начинаю терять нить беседы.

– Председатель родительского комитета, – объясняет Сидни. – У нее тоже дочь в ясельной группе. Она вам понравится. Она прелесть.

– Да, она замечательная! – соглашается Фейт. – И тоже британка. Мы зовем ее Квини – королева, потому что у нее акцент, как у королевы британской.

– Она организует потрясающие мероприятия, – говорит Карола.

– И ведет йогу для мам по средам с утра. Держит нас в форме.

– Так это же великолепно! – загораюсь я. – Обязательно приду!

Такого душевного подъема я не испытывала с самого приезда в Лос-Анджелес. Наконец-то я нашла приятельниц. Они такие приветливые и веселые. И эта их Квини тоже явно лапочка. Может быть, мы с ней сразу подружимся – будем сравнивать впечатления от Лос-Анджелеса и угощать друг друга мармайтом.

– А сколько она уже здесь живет? – интересуюсь я.

– Недолго. Пару лет, кажется.

– У нее случился бурный роман, – вставляет Фейт. – Во вторник познакомились, в пятницу поженились.

– Ничего себе!

– Да-да, – смеется Фейт. – Это чудесная история. Обязательно у нее спросите. – Фейт бросает взгляд на парковку за окном. – О, вот и она.

– Квини! – приветствует Карола, не дожидаясь, пока та войдет. – Иди сюда, познакомься с Ребеккой.

– Спасибо большое, что помогли нам... – начинаю я, но тут дверь распахивается шире, и слова застывают в пересохшем горле. Внутри все съеживается. Нет. Только не это.

Я невольно жалобно всхлипываю, и Карола странно на меня косится.

– Ребекка, познакомьтесь с Квини. То есть с Алисией.

Длинноногая стерва Алисия.

Здесь. В Лос-Анджелесе. В садике Минни.

Меня как будто мешком по голове ударили. Если бы я не сидела, у меня бы подкосились ноги.

– Здравствуй, Ребекка, – негромко произносит Алисия, и я вздрагиваю. Сто лет не слышала этот голос.

Она все такая же высокая, худая и светловолосая, но стиль поменялся кардинально. Теперь на ней ниспадающие мягкими складками шаровары для йоги, серый топ и кеды. Никогда не видела Алисию без каблуков. И волосы собраны в хвост на затылке, тоже непривычно. Окидывая ее взглядом, я замечаю на запястье перекрученный бело-золотой браслет. Случаем, не из «Золотого покоя»?

– Вы что, знакомы? – с любопытством спрашивает Сидни.

Я едва сдерживаю истеричный смех. Знакомы? Ну-ка, ну-ка... Последние несколько лет Алисия пыталась (поочередно) сломать мою карьеру, испортить мою репутацию, разрушить бизнес моего мужа и расстроить мою свадьбу. Она ставила мне подножки на каждом шагу и поливала грязью. От одного ее вида сердце срывается в нервный галоп.

– Да, – выдавливаю я. – Знакомы.

– Так вот почему ты попросила за Ребекку! – Карола все никак не успокоится. – А я тут гадаю, как же их взяли практически с улицы...

– Да, я поговорила с Эрикой, – подтверждает Алисия.

И голос у нее изменился, надо же. Стал тише, спокойнее. Вся манера другая. Очень странно. Как будто ей в душу ботокс вкололи.

– Какая ты умница! – Фейт ласково обнимает Алисию за плечи. – Как Ребекке повезло с такой приятельницей!

– А мы тут Ребекке про тебя рассказываем, – встречается Карола. – Можно было и не утруждаться.

– Я сильно изменилась с нашей последней встречи, Ребекка, – усмехается Алисия. – Когда мы с тобой виделись?

Когда? Она еще спрашивает? Эта встреча не врезалась ей в память навечно, как врезалась в мою?

– На моей свадьбе, – сглотнув, отвечаю я.

Когда тебя выволакивали силой, а ты верещала и отбивалась.

Я жду проблеска воспоминания в глазах, признания вины, стыда – хоть чего-то. Но нет, взгляд все такой же отрешенно-пустой.

– Да, – тянет она задумчиво. – Ребекка, я понимаю, что у нас случались недоразумения, однако их пора оставить в прошлом. – На плечо мне ложится мягкая рука, которую я тут же сбрасываю. – Может быть, посидим за чашечкой мятного чая и поговорим по душам?

Что? Все свои козни и пакости она называет «недоразумения»?

– Я... нельзя же вот так просто... – Голос срыгается, горло сдавило, сердце колотится, мысли разбегаются. Не знаю, что сказать.

Точнее, знаю. «Нет, – вот что ей надо сказать. – Издеваешься, что ли? Как такое оставить в прошлом?»

Но я не могу. Я на чужой территории. Я в родительской гостиной лос-анджелесского сада, в окружении незнакомых женщин, которые считают Алисию благодетельницей, оказавшей мне огромнейшую услугу. По коже бегут мурашки. Меня пробивает озноб. Все эти женщины – подруги Алисии. Не мои. Алисии. Это ее свита. Вечно она так, вечно она опускает меня ниже плинтуса. Даже сейчас, хотя я прекрасно знаю, что правда на моей стороне. Я словно съеживаюсь с каждой секундой. Она из привилегированного общества. И чтобы влиться, придется с ней любезничать. Но я не могу. Просто не могу. Я на нее даже смотреть не в силах, какое уж там ходить на йогу.

Как ей удалось запудрить им мозги? Почему они считают ее лапочкой и прелестью? Меня охватывает досада. Только-только я воспрянула духом, подумала, что получила свой пропуск, – и на тебе, поперек дороги встала длинноногая стерва Алисия.

Распахнув дверь, в гостиную влетает Эрика – разноцветная шаль реет, словно парус.

– Ребекка! Рада сообщить, что Минни чудесно справляется. На удивление быстро акклиматизировалась и уже заводит приятелей. Прирожденный лидер, – сияет Эрика. – Уверена, что вскоре вся группа будет ходить за ней хвостом.

– Отлично, – через силу улыбаюсь я. – Большое спасибо! Замечательные новости.

Это правда. Какое облегчение, что хотя бы Минни уже освоилась в Лос-Анджелесе и находит друзей. Хотя чему тут удивляться? Минни – заводила, покоряет всех с первого взгляда, конечно, у нее все идет как по маслу.

Я оглядываюсь на Алисию с ее свитой и ловлю себя на предательской мысли: а у меня?

Глава 7

Следующие несколько дней я пытаюсь отойти от потрясения. Алисия Биллингтон объявилась в Лос-Анджелесе... Только теперь она не Биллингтон, а Меррел. И это еще полбеды – как выяснилось после вчерашних поисков в «Гугле». Она баснословно богата, и ее знает весь Лос-Анджелес, потому что ее муж – основатель «Золотого покоя». Собственной персоной. Его зовут Уилтон Меррел, ему семьдесят три, у него седая борода клинышком, неподвижные раскосые глаза (из-за перебора с пластическими операциями), и познакомился он с Алисией на гавайском пляже. На пляже. Кто знакомится с будущим мужем на пляже? Их дочь Ора на месяц младше Минни, и, если верить одному из интервью, они «надеются на дальнейшее прибавление в семействе».

«Гугл» обрушил на меня лавину статей о «суперстильной хранительнице домашнего очага» и «неповторимом британском шарме». Я переслала всю подборку Сьюз, которая ответила одним-единственным словом: «ЧТО????» У меня сразу отлегло от сердца. Сьюз Алисию не выносит. И Люк тоже (неудивительно, учитывая, что она когда-то уводила у него клиентов и пыталась разрушить компанию. Одновременно очерняя меня в газетах. Мы с Люком даже расставались из-за нее. Это был кошмар). Когда я ему сказала, он только хмыкнул: «Кто бы сомневался. Всегда выйдет сухой из воды, даже свои «Маноло» не замочит».

Беда в том, что здесь в ней души не чают. В «Листике» я ее пока больше не видела, слава богу, но я уже раз шесть слышала от других мам, как здорово, что мы с Квини старые подруги (подруги!), и не правда ли она чудо, и пойду ли я на ее спа-вечеринку?

Вот только спа-вечеринки от длинноногой стервы мне не хватало!

Ладно. Ничего страшного. Мне все равно. Буду искать приятельниц в других местах. Мало их, что ли? А пока займусь карьерой.

План у меня готов, приступаю сегодня же. Вдохновением послужил пример Нениты Дитц, прорвавшейся к художнику по костюмам и получившей работу на съемках. Поэтому сегодня я еду на экскурсию по «Седжвуд студио», где трудится Ненита Дитц, – прокрадусь в нужный отдел и найду ее. Люк даже раздобыл мне бесплатный ВИП-билет через кого-то из знакомых, хотя я ему о своем плане не говорила. Сначала добьюсь успеха, тогда сам увидит!

В кожаной папке на молнии мое портфолио как персонального закупщика – галереи образов, фото клиентов, даже пара эскизов. А еще я набросала разборы последних фильмов студии «Седжвуд», чтобы продемонстрировать свою компетентность. (Взять, к примеру, их фильм про инопланетян, «Темная сила». Костюмы следовало продумать тщательнее. Скафандры такие громоздкие. Уж наверное, к 2154 году мы будем летать в космос в джинсах-скинни и изящных шлемиках «Прада»?) Кроме того, я собрала подробное досье на саму Нениту, чтобы вызвать ее симпатию с первого взгляда. На мне обалденное платье от Рика Оуэнса (ей нравится этот бренд), я надушилась «Шанель № 5» (ее любимый аромат) и прочла в «Гугле» про Мартинику (ее любимый курорт). Осталось только с ней познакомиться, и мы отлично сработаемся.

Перед началом экскурсии я едва не приплясываю от предвкушения. Сегодня меня ждет новый жизненный виток! Я стою у знаменитых ворот – огромных чугунных ворот с вензелями и крупной кованой надписью «Седжвуд студио» поверху. Говорят, если их поцеловать, сбудется самая заветная мечта, поэтому туристы как один прикладывают к ним губами и фотографируются. Вот ведь глупости. Что толку уповать на ворота? Можно подумать, они волшебные. Можно подумать...

Ладно, ладно. Жалко, что ли? Просто так, на всякий случай. Я касаюсь их губами и шепчу: «Пожалуйста, пожалуйста, милые воротца, пусть меня сюда возьмут!» И тут сбоку открывается калитка.

– ВИП-посетителей прошу пройти на экскурсию!

Девушка в наушниках пропускает всех внутрь, проверяя билеты. Толпа туристов просачивается через калитку, и я вместе с ними. Я здесь! Я на студии «Седжвуд»!

Верчу головой по сторонам, пытаюсь сориентироваться. Вдаль по обеим сторонам бесконечной дороги уходят симпатичные здания в стиле «ар-деко». За ними большой газон, а за ним еще здания. Отыскать карту студии в сети мне не удалось, поэтому придется искать нужный цех самой.

– Мэм, садитесь! – Ко мне идет молодой блондин в темной куртке и гарнитуре с наушниками. – У нас есть еще одно место.

Обернувшись, я вижу вереницу гольф-каров, в которых рассаживаются туристы. Блондин показывает на заднее сиденье почти заполненной шестиместной машинки. Не хочу я садиться. Я хочу найти костюмерный цех. Впрочем, выбора нет.

– Отлично! – улыбаюсь я в ответ. – Спасибо.

С неохотой забравшись на заднее сиденье, я пристегиваюсь рядом с пожилой женщиной в розовых шортах из жатого ситца, снимающей все подряд на камеру. Развернувшись, она захватывает в кадр и меня, и я машу рукой в объектив. Блондин, устроившись за рулем, раздает всем наушники.

– Здравствуйте! – тотчас гремит в ушах его голос. – Меня зовут Шон, и сегодня я буду вашим экскурсоводом. Мы с вами побываем в прошлом, настоящем и будущем студии «Седжвуд». Увидим, где снимались наши любимые фильмы и сериалы. Смотрите в оба, может быть, вам повезет заметить кого-нибудь из звезд. Вчера, например, в самом начале экскурсии, буквально на этих же самых словах, кто бы вы думали, прошел мимо? Мэтт Деймон!

– Мэтт Деймон!

– Обожаю его!

– У него замечательные фильмы!

Все, оживившись, вертят головой, будто Мэтт сейчас как по заказу появится снова, а кто-то даже щелкает фотоаппаратом в пустоту. Как на сафари. Вообще, поразительно, что до сих пор не придумали устраивать сафари на звезд. Интересно, кто вошел бы в «большую пятерку»? Брэд Питт с Анжелиной совершенно точно. А уж увидеть всю их семью вместе... Такая же удача, как подсмотреть за кормящей детенышей львицей в Масаи-Мара (нам с Люком удалось).

– А теперь перенесемся назад во времени, в золотой век студии «Седжвуд», – говорит Шон. – Окунемся в самые волшебные моменты истории кино. Итак, поехали!

Гольф-кар трогается, мы из вежливости окидываем взглядом белые здания, газоны и деревья. Чуть спустя автомобильчик останавливается, и Шон показывает нам фонтан, у которого Джонно делал предложение Мари в «Как молоды мы были» 1963 года.

Я не смотрела «Как молоды мы были». Первый раз о нем слышу, если честно, поэтому фонтан у меня особенных эмоций не вызывает. Хотя он вполне изящный.

– А теперь двинемся дальше, к следующей нашей достопримечательности, – возвещает Шон.

Мы едем целую вечность, вокруг все такие же белые здания, газоны и деревья. Когда автомобильчик резко заворачивает за угол, мы в предвкушении вытягиваем шеи... но и там точно такие же белые здания, газоны и деревья. Вроде бы я ничего другого от киностудии и не ожидала. Но все равно как-то слегка... м-да. Где камеры? Где крики «Мотор!»? А самое главное, где костюмерный цех? Была бы у меня карта... (И остановился бы уже Шон!) Словно прочитав мои мысли, экскурсовод жмет на тормоз и оборачивается к нам с наигранным восторгом.

– Вам наверняка любопытно, где находилась та знаменитая решетка, в которую уронила кольцо Анна из «Лисьих плутней»? А находилась она прямо здесь, на студии «Седжвуд»! Можете подойти и посмотреть.

Мы послушно вылезаем. И действительно, на соседней изгороди красуется в рамке черно-белый кадр, на котором девушка в лисьем манто роняет кольцо в ливневую решетку. Решетка как решетка, ничего особенного. Но все, отгесняя друг друга, кидаются фотографировать. Наверное, мне тоже не помешает. Я делаю пару снимков, потом потихоньку отделяюсь от увлеченно щелкающей группы. Зайдя за угол, я высматриваю указатель «Костюмерный цех» или «Гардероб», однако вокруг только белые здания, газоны и деревья. И никаких звезд. Не факт, что они вообще здесь бывают.

– Мэм? – Словно из ниоткуда появляется Шон, похожий в своей черной куртке и гарнитуре на спецagenta. – Мэм, не отходите далеко от группы.

– Да-да, хорошо. – Я обреченно плетусь за ним к гольф-кару и усаживаюсь. Бесполезно. Пока я привязана к этому автомобильчику, Нениту Дитц мне ни за что не найти.

– Справа расположены павильоны самых знаменитых в мире кинокомпаний, – гремит в наушниках голос Шона. – Все они снимают свои фильмы именно здесь, на студии «Седжвуд». А теперь прямо по курсу у нас сувенирный магазин...

Я пристально вглядываюсь во все проплывающие с черепашей скоростью мимо указатели. На перекрестке я даже высовываюсь за борт, пытаюсь рассмотреть вывески на павильонах. «Скэмпер продакшнс», «Эй-Джей-Би филмс», «Неприлично тонкая, неприлично звонкая»! Боже мой, это она! Фирма Нениты Дитц! Буквально перед носом! Все, я выхожу.

Вне себя от радости, я отстегиваю ремень и выскакиваю из гольф-кара, который как раз трогается. От толчка я шлепаюсь на траву – под испуганные возгласы экскурсантов.

– Мамочки! – взвизгивает одна из пассажирок. – Так и убиться недолго!

– Вы не ушиблись?

– Со мной все хорошо! Не беспокойтесь, все в порядке.

Я поспешно поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь и подхватываю кожаную папку с портфолио. Вот так. Карьера, я иду к тебе!

– Мэм? – Рядом вновь вырастает Шон. – Вы целы?

– А, Шон! – Я расплываюсь в улыбке. – Я, наверное, здесь сойду. Обратно доберусь сама, спасибо. Отличная экскурсия. Решетка мне очень понравилась. Хорошего вам дня!

Я иду прочь, но Шон, к моему негодованию, не отстает.

– Мэм, к сожалению, я не могу отпустить вас гулять по студии в одиночку. Если вы хотите прервать экскурсию, вас проводит кто-нибудь из наших представителей.

– Да зачем? – отнекиваюсь я. – Дорогу я найду.

– Так положено, мэм.

– Но честно...

– Это рабочая студия, посетители должны находиться под постоянным присмотром. Мэм, – добавляет он непререкаемым тоном.

Нет, правда. К чему такие строгости? Что у них тут, НАСА?

– А можно мне в дамскую комнату? – осеняет меня. – Заскочу на секундочку вон в тот павильон, всего на чуть-чуть...

– Дамская комната есть в сувенирном магазине, куда мы как раз направляемся, – говорит Шон. – Сядьте, пожалуйста, в машину.

Лицо у него суровое. Он явно не намерен отступать. Если я кинусь наутек, он, скорее всего, скрутит меня регбийным захватом. Едва удерживаюсь, чтобы не завопить от досады. Фирма Нениты Дитц в каких-нибудь двух шагах... Рукой подать.

– Хорошо, – бурчу я и угрюмо тащусь за Шоном к гольф-кару. Остальные смотрят на меня с любопытством и непониманием. Хоть пузыри над головой пририсовывай с вопросительными знаками, как в комиксах.

Мы срываемся с места, катим вдоль павильонов, куда-то поворачиваем, Шон рассказывает о каком-то знаменитом режиссере тридцатых годов, который любил загорать голышом, но я не слушаю. Все пропало. Может, прийти завтра еще раз и попробовать другую тактику? Оторваться еще до того, как всех рассадят по гольф-карам? Да!

Единственный лучик света – обещанный магазин. Хотя бы сувениров куплю. При виде кухонных полотенец и карандашей со шляпками в виде кинохлопушек я даже не сдерживаю тяжкий вздох. Моя пожилая соседка по автомобилю, подойдя поближе, вертит в руках пресс-папье в виде режиссерского рупора и украдкой косится на Шона, который не спускает с нас глаз.

– Не оглядывайтесь, – вполголоса говорит она, встав почти вплотную. – Иначе он нас засечет. Просто слушайте.

– Хорошо, – удивленно отвечаю я и притворяюсь, будто увлеченно разглядываю кружку с логотипом студии «Седжвуд».

– Зачем вы спрыгнули с автомобиля?

– Хочу прорваться в кино, – перехожу я на шепот. – Мне нужно познакомиться с Нени-той Дитц. Там был ее офис.

– Почти угадала, – удовлетворенно кивает моя собеседница. – Потому что сама поступила бы так же.

– Правда?

– Да, я очень хотела на экран. Но что мне было делать? Я росла в Миссури. Родители мне даже чихнуть без разрешения не давали. – Глаза ее темнеют. – В шестнадцать я сбежала. Добралась до самого Лос-Анджелеса, где меня и отловили. Больше не решалась. А надо было.

– Как жаль, – неловко бормочу я. – В смысле... Что вам не удалось.

– И мне жаль. А вот у вас еще есть возможность, – продолжает она уже другим, деловым тоном. – Я проведу отвлекающий маневр.

– А? – Я хлопаю глазами.

– Отвлекающий маневр, – нетерпеливо повторяет она. – Не знаете, что это? Отвлеку их, а вы ускользнете, куда вам нужно. Шона беру на себя.

– О боже! – Я сжимаю ее узловатую руку. – Вы чудо!

– Пробирайтесь к выходу, – кивает она. – И бегите. Меня, кстати, зовут Эдна.

– Ребекка. Спасибо!

С колотящимся сердцем я отхожу к двери и замираю у стенда с фартуками и бейсболками «Как молоды мы были». И тут раздается оглушительный грохот. Эдна картинно рушится на пол, увлекая за собой стойку с посудой. Под испуганные возгласы посетителей весь персонал вместе с Шоном кидается к ней.

Мысленно поблагодарив Эдну, я на цыпочках выскальзываю за дверь – и тут же пускаюсь бегом, насколько позволяют босоножки на платформе (черно-белые «Эйч энд Эм», очень крутые, при том, что стоили всего двадцать шесть долларов). Отбежав подальше, я сбавляю скорость, чтобы не вызывать подозрений, и заворачиваю за угол. Там ходят люди, ездят велосипеды и гольф-кары, и вроде бы никто меня не пытается перехватить. Пока.

Единственная проблема – я понятия не имею, куда идти. Дурацкие белые павильоны похожи как две капли воды. Спросить, где находится офис Нениты Дитц, я не решаюсь – не стоит привлекать лишнее внимание. Мне и так ежесекундно мерещится визг шин автомобильчика, на котором Шон прилетит арестовывать беглянку.

Завернув за очередной угол, я останавливаюсь в тени под большим красным навесом. И что теперь? Территория тут громадная. Я заблудилась окончательно. Мимо проезжает гольф-кар с экскурсантами, и я сливаюсь со стеной, чувствуя себя скрывающейся от правосудия преступницей. Наверное, все экскурсоводы уже получили ориентировку. И меня внесли в список разыскиваемых. Что-то грохочет мимо, и я изумленно моргаю вслед, чуть не ахая – такое оно яркое, разноцветное и чудесное. Просто подарок судьбы! Гардеробная стойка на колесах! Длинную вешалку с одеждой в полиэтиленовых чехлах уверенно толкает перед собой сотрудница студии, тараторя в прижатый к уху телефон: «Я уже почти на месте. Не волнуйся, сейчас буду!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.